

РИТА АРДЕЯ

Холодное
сердце
бывшего

Рита Ардея

Холодное сердце Бывшего

<https://litres.ru/74221279>

Аннотация

– Зачем ты вернулся? Снова разбить мне сердце? – шиплю я, с яростью глядя на безмятежное лицо того, кого однажды любила. – Твоё сердце мне не интересно, – ухмыляется он. – Это сделка. Мы сыграем в любовь ради мира между нашими странами. – Только ты мог предложить такое. Ведь у тебя самого сердце ледяное. – В самом деле, – шепчет он, вдруг оказавшись совсем близко. – Но я напому тебе, что даже с ледяным сердцем могу быть очень горячим... Даже сильная женщина иногда хочет почувствовать себя нежной фиалкой в объятиях любимого. Но мой возлюбленный однажды уже предал и предпочёл мне королевство — покрытый вечными льдами Дахраар. Много лет спустя он снова появляется в моей жизни, чтобы предложить сделку, от которой я не могу отказаться. Или не хочу?

Первая книга цикла (читается отдельно):

Содержание

Глава 1 Монаршая щедрость	4
Глава 2 Чего ты хочешь от меня	17
Глава 3 Шпионка Его Величества	39
Глава 4 От проблем не сбежишь	57
Глава 5 Увлекательная поездка	68
Глава 6 Мама, будь всегда со мною рядом	79
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Глава 1 Монаршая щедрость

– Рубия Роза дель Монрок! За преступления вашей семьи вы приговариваетесь к конфискации имущества, лишению титула и изгнанию! – бесстрастно объявляет верховный судья.

Таковы законы Ристайла. Я не делала ничего плохого, но понесу наказание. Другие дворяне, стоящие вдоль стен тронной залы, смотрят кто с насмешкой, кто с осуждением – мало кто с сочувствием.

– Такие, как дель Монроки, не должны позорить славное имя огненных драконов! – пафосно восклицает император, спускаясь с трона и направляясь ко мне.

Стискиваю зубы, но молчу. Что толку спорить? Огненные драконы известны кознями. Просто обычно не попадают, а моя мать и брат попались. В том и есть настоящий позор нашей семьи в глазах всего Ристайла.

Горячие влажные пальцы императора касаются моего запястья. Его взгляд жадно скользит по моей фигуре.

– И всё же как жаль, что такая красота пропадёт, – говорит он гортанно, так что слышу только я. – Всего этого можно избежать. Шелка, бриллианты падут к твоим ногам. Всё, что тебе нужно сделать – стать моей.

Его. Одной из десятков фавориток, о которых он забывает.

ет, когда наиграется. Вещи для улады императора. И только слухи донесут, какие гадости происходят с ними за дверями его спальни. Какие шелка и бриллианты стоят такого?

Моё молчание он принимает за сомнение. Мерзкие пальцы оказываются на моей талии, пробегают по телу, изучая прямо при всех, бесстыдно.

Нет, больше я не могу терпеть. Да и смысл? Терять мне нечего.

– Ах ты мерзкий сморчок! – рычу я.

Внутри меня бушует пламя, которое не может вырваться наружу из-за особых наручников. Беспомощно дёргаю руками, желая заехать по его холёной морде, но цепь не позволяет поднять руки достаточно высоко. Металл жёстко впивается в запястья. Император расплывается в слащавой улыбке.

– Вот ты, такая, какой тебе положено быть: сломленная, покорная, беззащитная. Мне даже нравится твоё сопротивление. Пожалуй, с изгнанием мы подождём до утра.

Никто не поможет. Он специально провернул это, чтобы у меня не было выбора. Я окажусь в его постели добровольно или насильно. Чем сильнее я буду противиться, тем больше он проявит свою знаменитую жестокость.

Двери распахиваются, и церемониймейстер восклицает:

– Ёрмунганд Дахраара, великий ледяной змей Винсент Игельстрём прибыл!

На лице императора появляется затравленное выражение, прежде чем он находит в себе силы обернуться и с натянутой

улыбкой взглянуть на вошедшего в зал мужчину.

Мужчину из моих снов.

Нет, мужчину из моего прошлого.

На голову выше любого из присутствующих, с грацией снежного барса и мускулами, которые только подчёркивает простая льняная рубашка с дахраарской вышивкой, правитель соседней страны широко и уверенно вышагивает по залу.

Дамы провожают его жадными взглядами, но он холоден и не замечает их восторгов. Глаза отливают льдом, а длинные волосы – серебром. Я знаю, они мягче любого шёлка, что обещал мне император.

– Винсент! – лепечет император. – Уже прибыл! Прости, что без фанфар, мы ждали тебя завтра.

Завтра должен состояться праздник в честь дня рождения императора. Гости уже всюду прибывали, но самые важные и занятые из приглашённых приезжают лишь в сам день торжества.

Впрочем, после скандала с сестрой ёрмунганда никто в принципе не ждал, что он придет.

Скандала, в котором повинна моя семья...

Ледяной взгляд ёрмунганда медленно ползёт по залу, пока не останавливается на мне. Со спутанными волосами, в лохмотьях и цепях. Идеальный образ для встречи бывшего возлюбленного.

Вопреки своему положению, широко улыбаюсь ему, но он даже бровью не ведёт. Будто меня для него не существует.

– Лестрейл, – наконец, произносит ёрмунганд глубоким голосом, от которого внутри всё взрывается воспоминаниями – слишком сладостными, чтобы они были уместны сейчас. – Я прибыл раньше, потому что собирался обсудить с тобой наши дипломатические неурядицы.

Император кивает.

– Понимаю. Сейчас, я разберусь с этой красавицей, и тогда обсудим нарушения пакта с вашей стороны.

– С обеих, – железным тоном обрывает его Винс. – И с вашей стороны нарушение было куда грубее.

– Не будем ссориться! – восклицает император лебезящим тоном. – Если ты в обиде, я готов обговорить детали примирения. Проси что хочешь!

– Я пришёл не просить, а требовать, – равнодушно бросает Винс. Взгляд льдисто-голубых глаз вновь на миг падает на меня. Я чувствую трепет пополам со страхом. Какое дело до меня ёрмунганду? – Впрочем, об этом позже. Не спеши отсылать эту женщину. У меня с ней свои счёты.

– Понимаю, – император щерит мелкие зубы. – Она из дель Монроков, что чуть не сгубили твою сестру. Быть может, ты хотел бы судить её по законам Дахраара?

– Это не единственное её преступление, – Винсент презрительно дёргает уголком рта. Кажется, ему даже смотреть

на меня противно, и в то же время его взор вновь и вновь возвращается ко мне.

Вот и всё, что нужно знать про дахраарскую благодарность. Я спасла твою сестру, ледышка, я была с ней от начала до конца! Сердце стискивает горечью обиды.

– В чём же моя вина перед вами, о, почтенный ёрмунганд? – спрашиваю я, не в силах сдержать сарказм.

– Заткнись! – шипит император. – Кто дал тебе право говорить?!

Винс приподнимает бровь.

– Твои подданные не слишком уважительно ведут себя, – замечает он.

Лестрейл снова виляет хвостом, как блохастая псина.

– Мне не смеют дерзить, Винсент, – говорит он. – И все мои гости защищены от наглости моим авторитетом. Просто этой паршивке нечего терять.

Он заносит свою наманикюренную руку, чтобы ударить меня наотмашь, но ладонь ёрмунганда, больше его тщедушной ручонки раза в три, перехватывает тонкое запястье.

– Дриттсек... – цедит он сквозь зубы. Император чуть ли не рычит, глядя на него, и Винсент соизволяет, наконец, говорить на понятном всем языке: – Женщин не бьют, Лестрейл. Только если не встретили воительницу в честном бою.

– Я не бью её, а наказываю за дерзость, – выплёвывает презренный крыс.

Винс снова отвечает одним лишь движением брови. За-

тем поддевает пальцем цепь, что приковала меня к полу, резко дёргает, заставляя меня наклониться и чуть не упасть. Я скидываю на него злой взгляд.

– Так ты хочешь её воспитать? Шлёпая по щеке? – спрашивает он насмешливо. – Добьёшься того, что она притворится овечкой и прирежет тебя в ночи.

– Как ты ловко раскусил мой план, о, ёрмунганд! – льстиво отвечаю я, и он сильнее дёргает цепь.

В этот раз я всё же падаю на колени. Это ощутимо больно, потому что у меня нет сил, чтобы сгруппироваться и не встретить мраморный пол самой болезненной точкой на коленках.

– Бить женщину нельзя, но унижать – на здоровье? – спрашиваю я ехидно.

– Всё такая же болтливая, – тянет Винс. В его голосе мне чудится одобрение, но когда я поднимаю голову, то вижу совершенно непроницаемое лицо. – Занятно. Отдай мне её, Лестрейл.

– Что? – хором восклицаем мы с императором. Отличается только тон. Я в гневе, а Лестрейл, безусловно, удивлён, но ожидает выгодного предложения.

– Что ж... – тон императора становится всё более слащавым. – Мы могли бы обсудить это вместе с другими вопросами. В конце концов, ты в праве требовать компенсации, и Рубия вполне может стать одним из даров для ёрмунганда.

– Я не вещь и не буду даром для того, чтобы уладить твои

конфликты с соседними странами! – возмущённо кричу я.

Но меня словно не слышат. Я больше не гроза пиратов с морской границы, не старшая дочь семьи дель Монрок – я изгнанница, моё слово ничего не значит.

– Уведите её, – отмахивается император и делает приглашающей жест в сторону соседней залы. – Пойдём же, мой старый друг, нам есть, что обсудить.

Стражники тащат меня за цепи, не давая даже секунды, чтобы подняться. Сбитые коленки больно проезжают по мрамору. Я всё же встаю и волочусь за стражей, а они норовят побольнее дёрнуть, чтобы наручники ранили запястья. Но я не доставляю им удовольствия видеть мою боль и слёзы. Смотрю на них с ненавистью исподлобья, размышляя, что сделаю с ними, когда освобожусь.

Ох, встретились бы мы в честном бою, вы бы выли, умоляя о пощаде, щенки!

Меня возвращают в тюрьму. Здесь холодно, что особенно тяжело для огненного дракона, магию которого заперли. Ложусь на нары и пытаюсь завернуться в тонкое, поеденное молью одеяло.

Зачем я Винсу? По нему не скажешь, что он вспомнил свои чувства ко мне и решил всё вернуть. И благодарности за помощь его сестре я тоже не ощутила. Он стал таким холодным и жестоким, а в моей памяти живёт другой Винс – страстный и влюблённый.

Но всё осталось позади. Он выбрал корону, и огненную

драконицу посчитал недостойной того, чтобы стать нидхёгг – королевой ледяного Дахраара. Вот и всё, что нужно знать о мужчинах и об их обещаниях жениться.

Хотел бы – делал бы, а не обещал.

Засыпаю, лелея свои обиды, от которых сердце так печёт, что я вовсе не замечаю холода. Просыпаюсь от лязга металла: дверь в камеру открывают.

Поднимаю голову, сонно глядя на начальника стражи – огромного увальня с сальной улыбкой.

– Просыпайся, красавица, – говорит он хрипло. – Кое-кто хочет тебя видеть.

– Я бы даже сказал «страстно желает», – добавляет его помощник, и они оба похабно смеются.

Тут и гадать не надо: меня хочет видеть кто-то из правилей. Вопрос, кто. Впрочем, обоих глаза бы мои не видели.

Если не пойду сама – потащат силой, так нет причин артачиться. Эту идею мне хорошенько вбили в голову за дни, проведённые в тюрьме. И всё же иду я медленно, с подозрением вглядываясь в лица стражников, будто они могут дать подсказку, что меня ждёт.

– Пошла, ну, – щурится начальник стражи и дёргает рукой, будто хочет подтолкнуть меня, но в последний момент останавливается, так и не коснувшись. А вот это уже интересно, откуда такая деликатность?

Мы направляемся прямо к portalу, и мастер настраивает точку назначения обратно в императорский дворец. Что ж,

путь мне уготован туда, я угадала. Но зачем? Я ведь только несколько часов как прибыла оттуда.

Напряжённо ожидаю чего-то неоформленно страшного, но когда стражники приводят меня в крыло, где обитают наложницы императора, мне становится по-настоящему не по себе. Меня встречает толпа служанок, которые смотрят на меня так, будто я в лучшем случае мышь, а то и вовсе таракан.

– Аллара дель Монрок, – цедит самая старшая и, вероятно, главная. – Проходите.

Она даже изображает поклон, указывая мне на расписную дверь. За ней купальни и бани. Не так я ожидала закончить этот день.

Конечно, я рада возможности снять тряпки и нормально помыться, но меня душит нехорошее предчувствие. О чём таком договорились Винс и Лестрейл, что меня надо мыть?!

Может, Лестрейл просто хочет вручить меня в красивой обёртке? Можно и бантик на шею повязать. А потом я этим же бантиком удушю Винса – и практично, и красиво!

Ледышка проклятая! Что он о себе возомнил!

Непослушные пальцы никак не помогают быстро раздеться, в итоге старшая служанка, закатив глаза, грубо стягивает с меня робу. Её младшие сослуживицы издают вздохи ужаса.

– И правда клеймо, – слышу я шепоток.

Изгибаю шею, чтобы равнодушно глянуть на привычное мне неровное изображение, рубцом изуродовавшее когда-то

гладкую нежную кожу. В нём угадываются очертания бабочки. Милая ристайленская традиция так отмечать «падшую» женщину, которая не сберегла невинность до свадьбы – предупреждение тем, что захочет взять красавицу в жёны.

Меня заводят в купальню, служанки начинают старательно намыливать мои волосы и тереть меня мочалками. Ловлю сочувственный взгляд той, которой выпала честь потереть мне спинку. Она останавливает мочалку рядом с плечом и тихо спрашивает:

– Аллира, вам не больно? Можно тут прикасаться?

Я дарю ей добродушную улыбку.

– Всё в порядке, рубец не болит. Можете тереть меня со всей старательностью! – понизив голос, я добавляю: – А не подскажете, зачем именно меня купать?

Взгляд её становится испуганным, а затем я слышу окрик старшей служанки:

– Дерия, не болтай! За дело!

Больше никто не пытается завести со мной разговор. Зато отмывают меня до скрипа, а затем облачают в воздушное полупрозрачное нечто, накинув на плечи не менее открытый халат.

Нет, вряд ли меня будут вручать Винсу в таком наряде, не подходит он для поездки в снежный Дахраар. Стараюсь выглядеть беззаботно, а сама ищу пути побега.

– А наручники мне не снимут? – весело спрашиваю я, когда меня щедро обливают невероятно приторным парфю-

мом. Поднимаю руки, демонстрируя не соединённые между собой грубые браслеты. – А то они как-то не гармонируют с образом.

И вновь лишь угрюмое молчание в ответ.

Служанки и стражники сопровождают меня в просторную комнату, половину которой занимает роскошное ложе с балдахином. На небольшом столике сервирован ужин. Меня оставляют одну, и первым делом я бросаюсь к окну.

Но на нём решётки. В отчаянии смотрю на свои руки, не способные сейчас высечь и крошечную искру. Нет, решётки мне самой не снести.

За дверью, конечно, стража. Больше выходов из комнаты я не вижу.

Подхожу к столику и отмечаю, что ножей не предоставили. Зато есть вилки. Быстро прячу одну в объёмном рукаве халата, надеясь, что блеск металла не слишком бросится в глаза через полупрозрачный шёлк. В конце концов, взгляд сначала цепляется за браслет, подавляющий магию, так что у меня есть шансы оставить вилку незамеченной.

Как раз вовремя – дверь распахивается, и передо мной, сияя, как хрустальная люстра, предстаёт мой любимый кузен, император Ристайла. Он с порога оглядывает меня жадным взглядом. На нём тоже халат, более приличный, чем мой, но вот проблема – я не планировала проводить с ним семейный пижамный вечер.

– Как же ты прекрасна, Рубия! – восклицает он, подходя ближе.

– И тебе доброго вечера, Лестрейл, – отвечаю я, отступая за столик.

– Не бойся меня, – говорит он, подходя к моему укрытию. Я уже готова схватиться за вилку, но Лестрейл просто отрывает виноградинку и кладёт её на язык, а затем съедает с причмокиванием. Меня передёргивает.

– Я так понимаю, ёрмунганду ты решил меня не отдавать? – интересуюсь я, надеясь разговором отвлечь его от дальнейшего поедания ягод. Я больше такого зрелища просто не выдержу!

– Почему нет? Пусть берёт, – хмыкает Лестрейл. – В конце концов, он брал тебя не раз. А ты скучала, маленькая потаскушка, по ласкам этого неотёсанного варвара?

Он резко надвигается на меня, и мне приходится пятиться. Лестрейл успевает схватить рукав моего халата и резко дёргает невесомую ткань, которая с треском рвётся, обнажая моё клеймённое плечо. На губах императора появляется отвратительная ухмылка.

– Вот он – символ предательства, – говорит он хрипло. – Ты могла бы быть императрицей, разделить бремя правления вместе со мной. Но ты выбрала лечь под этого мускулистого мужлана.

Честное слово, эпитеты такие, будто Лейстрейл в него тай-

но влюблён. Впрочем, тут, скорее, играет банальная зависть. Он всегда чувствовал себя неполноценно рядом с Винсентом.

– Что, хочешь, чтобы я исповедовалась? – спрашиваю я саркастично.

– О нет, просто хочу, чтобы ты не забывала, за что я ода-рил тебя этой меткой. Помнишь тот вечер? – он ухмыляется, отходя на шаг, чтобы схватить новую виноградину, но не ест её, а катает между пальцев с таким видом, будто эти должно меня мгновенно соблазнить. – Раскалённый металл и твои крики... Ох, я помню их до сих пор.

Меня снова передёргивает – похоже, теряю выдержку после пережитого. Отвратительное существо, к тому же непредсказуемое. Завожу руку назад, позволяя вилке выскользнуть в ладонь.

– Если ты решил подарить меня, – спрашиваю я, нервно облизнув пересохшие губы не менее сухим языком. – То почему мы сейчас здесь в таком виде?

Его взгляд приобретает томную поволоку.

– Потому что я собираюсь попробовать тебя, прежде чем бросить Винсу, как объедки с моего стола.

Глава 2 Чего ты хочешь от меня

Мой разум отчаянно ищет пути спасения. Предположим, воспользовавшись эффектом неожиданности, я выбегу из двери и, пока стражники не спохватились, даже преодолею какое-то расстояние по коридору. Что дальше? Меня всё равно схватят, и только пламя знает, какое наказание для меня придумает мой сумасшедший кузен.

Конечно, он считает, что у него всё схвачено, что у меня и выбора-то нет, кроме как провести с ним эту ночь. Чего Лестрейл не учёл, так это что я на самом деле скорее умру, чем позволю ему к себе прикоснуться.

– Интересные планы на вечер, – обворожительно улыбаюсь я. – Не смущает, что твоя охрана подслушивает за дверью?

– Не смущайся, – ухмыляется он. – На дверях стоит заглушающая завеса. Негоже людям слушать твои вопли – или стоны, зависит от тебя.

– О, ты столь заботлив, – продолжаю хлопать ресницами, пока он подходит ближе, словно хищник к добыче. – А что если тебе понадобится крикнуть? Например, позвать на помощь?

Он смеётся, и смех его звучит, пожалуй, бархатно. Не знай я, кто он такой, могла бы и купиться на его харизму. Но я вижу только слизняка.

– Что ты можешь сделать мне, Рубия? – спрашивает он, протягивая руку и пропуская сквозь пальцы огненную прядь моих волос. Я стараюсь не вздрагивать, чтобы не давать ему повод для радости. Нет, он не увидит во мне страха. Драконницы не боятся слизней.

А вот волосы придётся промывать с уксусом.

– Например, – кокетливо тяну я, – выколю тебе глаз, вывихну руку и сбегу, пользуясь тем, что ты кричишь, согнувшись пополам от боли.

И снова смех.

– В тебе нет сейчас силы дракона, куколка. Эти браслеты лишают тебя любой магии. А без неё ты просто женщина. Что может женщина сделать мне? – говорит он хрипло, приближаясь вплотную. – Вы слабее от природы, ваше дело – рожать детей и ублажать мужчин. Сейчас я покажу тебе твоё место...

– Или я напому тебе твоё, – рычу я, совершая молниеносное движение рукой.

Зубцы вилки пропахивают щёку и веко императора, тот визжит, как столь презируемая им женщина, и складывается пополам. Мне даже не приходится вывихивать ему руку, как планировала. Я бегу к двери, на ходу бросая через плечо:

– Даже с запертым драконом я найду на тебя управу, Леси.

Я следую безумной идее, что возникла в моей голове: резко распахиваю дверь и стрелой вылетаю в коридор, а дальше

мчусь без разбора. Стражники и правда теряются, и лишь в спину мне доносится истеричный визг Лестрейла:

– За ней, идиоты!

Вечное пламя, я напала на императора. За это мне грозит смертная казнь. Но за свою шкуру я ещё поборюсь. На бегу плотнее запахивая халат, я бегу вперёд по пустынным коридорам крыла наложниц.

Стражников здесь нет, только сонные ленивые евнухи – обычным мужчинам не дано даже смотреть на женщин императора. Впрочем, сейчас его охрана, забывшись, бежит за мной, не глядя, куда их занесло. Выплёвывая лёгкие от быстрого бега, я выскакиваю на лестницу. Вверх или вниз?

Дальше меня ведёт интуиция, и я решаю довериться ей, потому что у меня нет ни мгновения на промедление. Не знаю, куда ведёт меня шестое чувство, но явно не к выходу. Я оказываюсь на третьем этаже и слышу за спиной топот моих преследователей. Ноги ноют от беготни по мраморным ступеням, но я несусь вперёд, хоть в глазах и темнеет.

Насколько, что я не замечаю препятствие перед собой и со всей скоростью врезаюсь в мощную грудь мужчины исполинского роста. Впрочем, ему этого недостаточно даже чтобы просто покачнуться, хотя я уверена, любого другого на его месте я бы сбила с ног.

– Руби? – слышу я удивлённый голос, от которого меня накрывает апатия, а всякое желание бороться за жизнь уходит. – Что ты здесь делаешь? Зачем тебе вилка?

Бестолково смотрю на своё окровавленное оружие. Надо же, я по всему дворцу с ней бегала. Затем поднимаю голову, чтобы столкнуться с ледяным взглядом. Спасибо, интуиция! Могла бы сразу к палачу меня отвести, что уж там!

Больше никогда не послушаю это дурацкое шестое чувство!

– Доброй ночи, ёрмунганд, – елеиным голоском приветствую я, делаю быстрый книксен и собираюсь мчаться дальше, но мощная рука легко перехватывает меня за талию.

Я девушка не мелкая, что ростом, что статью меня природа не обделила, но рядом с Винсентом я чувствую себя изящной кисейной барышней. Отчаянно пыхчу, пытаюсь вырваться из его хватки, но это всё равно что пытаться сдвинуть скалу.

Стражники, настигшие меня, замедляются и настороженно смотрят на ёрмунганда и сопровождающих его драконов.

– Ваше величество! – восклицает один, отдавая воинское приветствие. – От имени Ристайла мы благодарим вас за поимку опасной преступницы и просим выдать её нам!

Винсент ставит меня на ноги, придерживая за плечи, и окидывает оценивающим взглядом. Я же смотрю на его руку, примеряясь, смогу ли ушмыгнуть, если стратегически отвлеку его, ткнув вилкой.

– Когда видишь женщину с вилкой наготове – жди беды, – кивает он с абсолютно серьёзным лицом, будто подслушал мои недобрые мысли. – Особенно если речь идёт про Рубию

дель Монрок. Что же совершила эта рецидивистка?

– Она напала на императора! – рапортует солдат. В его голосе глубокое почтение к ёрмунганду, даже удивительно, учитывая отношение огненных драконов к ледяным.

– Что ж, – лениво тянет Винсент, – тогда пойдёмте к императору, представим под его светлые очи злодейку. А заодно уточним, как она оказалась в его компании ночью, одетая только в полупрозрачную ночнушку. Ты пришла к нему сама, Руби?

– За кого ты меня принимаешь? – возмущённо шиплю я. Уголок его губ приподнимается в ухмылке.

– Кто знает, насколько у тебя испортился вкус с годами.

Мне кажется, или в его голосе я слышу злость? Но лицо остаётся непроницаемым. Тогда я решаю спросить:

– Тебе что же, есть до меня дело, Винс?

Пусть это прозвучит ехидно, пусть он не поймёт, что я спросила это с затаённой надеждой! Но ёрмунганд смеряет меня взглядом, от которого внутри всё сжимается, и холодно произносит, сметая снежной бурей все надежды:

– Конечно. Лестрейл обещал тебя мне, ты – моя. Так что сейчас придётся объяснить императору, что происходит с теми, кто трогает то, что принадлежит мне, без спросу.

В момент закипающего внутри раздражения почему-то мне вспоминается минувшее лето, а конкретно свадьба моей лучшей подруги Вильгельмины, сестры этого остолопа, перед которым я сейчас стою. Наша общая подруга, Веспула, на

радостях так уклёкалась настоячкой, что кружилась в танце, игнорируя ритм музыки, и повторяла: «Я споко-ойна и легка-а, как лепесток яблони на ветру-у...»

Прикрыв глаза, я глубоко вдыхаю и повторяю про себя: «Я спокойна и легка, как лепесток...»

Нет, вайшнейские мантры мне не помогают.

– Лестрейл обещал? – переспрашиваю я, чувствуя, как дёргаются уголки губ, норовя превратиться в безумную улыбку. – Я твоя, говоришь? Ты что же, решил, что я вещь, плюшевая игрушка, которую вы можете перетягивать между собой, пока не порвётся?

Резко распахиваю глаза, физически чувствуя, как искры на янтарной радужке пытаются прорваться через магический блок. На миг мне чудится растерянность в непроницаемых глазах Винса, и он, кажется, даже пытается добавить мягкости в свой стальной голос:

– Руби, сейчас не время выяснять отношения и придирааться к формулировкам.

Он выразительно обводит взглядом коридор, в котором топчется его свита и охрана Лестрейла.

– Конечно, – я упираю руки в бока, и насмешливо смотрю на Винса. – Время будет тогда, когда тебе будет удобно, если будет, верно? Ты же правитель, а я просто приз, переходящее знамя!

Он вымученно вздыхает и потирает ладонью лоб.

– Ох, взрывная женщина! – тихонько рычит он. – Твою

огненную кровь не охладит даже вечный лёд Дахраара!

Он резко поворачивается к стражникам императора, и глаза его вспыхивают такой холодной яростью, что те вздрагивают и отступают на шаг, в почтении склонив голову. Вот же трусливые собаки, под стать своему хозяину.

– Передайте вашему правителю, что если он жаждет забрать преступницу – пусть приходит ко мне, мы лично обсудим этот вопрос, – говорит он.

– Но, почтенный ёрмунганд... – робко начинает один из стражников, а затем замирает, тяжело дыша, словно его холодом пробрало.

– Я. Сказал. Пусть. Приходит. Лично, – чеканит Винсент, и каждое слово отдаётся ощущением, будто сердце сжимает ледяными тисками.

Неудивительно, что спорить с ним не смеют. Глубоко кланяясь, стражники пятятся назад, чтобы затем чуть ли не наперегонки броситься к Лестрейлу.

– Он же придёт, – замечаю я и невольно растираю плечи, тщетно пытаясь спастись от повисшего в коридоре холода. – И не один, а с вооружёнными солдатами.

– Кто, Лестрейл? – с весёлой иронией спрашивает Винс. – Он не в том положении.

Знаю я его положение. Он сейчас будет готов войну с Дахрааром объявить, если это поможет меня выкурить. Устало прикрываю веки и вдруг чувствую, как на плечи ложится что-то тёплое.

Приоткрываю глаз, озадаченно глядя на вязаную ткань, что сейчас согревает меня. Неужели Винс заметил, что я дрожу? Без силы дракона противиться его ледяной ауре не так-то просто.

– На тебя все пялятся. Имей стыд, – цедит ёрмунганд, отворачиваясь.

Запоздало осознаю, что и его стража, и шавки Лестрейла созерцали мою беготню по дворцу в одежде, весьма условно скрывающей мою фигуру. Ну, может не такая трепетная, но всё же забота с его стороны, или он просто стал ханжой за те одиннадцать лет, что мы толком не общались. Не успеваю даже скупно поблагодарить Винсента, как он требовательно протягивает мне руку.

– Отдай вилку. Немедленно.

– Зачем? – хмуро спрашиваю я.

– Потому что в твоих руках она представляет опасность для жизни и целостности окружающих.

– Ты мне льстишь.

Винсент прищуривается, оценивающе оглядывает меня и поджимает губы.

– Я тебя знаю. Надеюсь, жизнь Лестрейла вне опасности, иначе даже моей власти не хватит, чтобы спасти тебя от казни.

Если честно, мне не хочется расставаться с единственным подобием оружия, что у меня есть. Я прижимаю вилку к груди, как любимую игрушку, и спрашиваю:

– На чём строится твоя уверенность в том, что сейчас ты в состоянии спасти меня от самодура?

Винс широко ухмыляется. Сейчас он только и делает, что ухмыляется, за недолгие моменты нашей встречи я не видела, чтобы он просто улыбался.

– Лестрейл у меня на крючке. Совет Альянса год наблюдал за ним и уехал, дав императору испытательный срок, а у меня накопился целый список его прегрешений. Сражаться против всего Альянса ради того, чтобы удержаться на троне, Лестрейл сейчас не в состоянии, так что и конфликтовать со мной не станет. Прийти ко мне и потребовать тебя для него – всё равно что расписаться в том, что он нарушил то, о чём мы договорились вечером.

– И о чём же вы договорились?

– Что он к тебе не прикоснётся. Отдай вилку.

Эти фразы настолько не соответствуют друг другу, что я теряюсь и доверчиво протягиваю ему оружие, о чём тут же горько жалею. Взгляд Винсента из ироничного становится колючим. Он в мгновение ока перекидывает меня через плечо и шагает вперёд, а его охрана невозмутимо следует за ним.

– Винс, немедленно поставь меня!

– И не подумай. Босиком по мрамору ходить опасно, простудишься.

– Куда ты меня тащишь? – спрашиваю я со всей грозностью, на которую способна полуголая женщина в руках куда более крупного мужчины.

– Как куда? Разумеется, в спальню.

– Да что ты о себе возомнил?!

Попытки колотить руками и ногами никак не трогают эту махину, потому я, больше не тратя время на разговоры, изгибаюсь, чтобы вцепиться в него зубами. Но Винс подкидывает меня на плече, как мешок с мукой, поправляя моё положение, так что я чуть не выбиваю зубы о его лопатку.

Стражники распахивают перед ним дверь, он заходит в тёмную спальню и ставит меня на ковёр. Мы остаёмся совершенно одни в полумраке, он возвышается надо мной, и кажется, что его голубые глаза чуть светятся где-то там, далеко, под потолком.

Это не Лестрейл, в котором удивительным образом сочетаются непроходимая тупость и изощрённая хитрость. Это опасный дракон, который может сломить меня и получить всё, что захочет. Я буду драться до последнего, бесспорно, но этого может быть недостаточно.

Но вопреки страху от его ауры, я глубоко вдыхаю, выпрямляюсь и смотрю в его глаза, готовая столкнуться с неминуемой судьбой.

Ледяной взгляд пробирает до костей, но я не ёжусь и не дрожу, собрав в кулак все внутренние силы и гордость. Но всё это лопаётся, как мыльный пузырь, когда Винсент иронически смеётся и, развернувшись, отходит к окну.

– Что за обречённый вид? – спрашивает он с издёвкой. – Ты помирать собралась?

– Я же не знаю, зачем ты меня сюда притащил!

– Поговорить, Рубия. И спрятать от Лестрейла. Уж в мою спальню не полезет ни он, ни его прихвостни. А ты, как обычно, наворотила дел.

Скинув обувь, он комфортно располагается на кровати, положив руки под голову. На меня Винс больше не смотрит холодно, скорее, весело, так что я чувствую себя непроходимой душой.

– Что ты себе навоображала? – приподнимает бровь он.
– Если я хочу женщину, она в итоге сама прибегает ко мне, умоляя о близости, мне нет нужды тащить её в спальню и брать силой.

– Кто же вас, правителей, знает, – ядовито отвечаю я, чуть отходя от двери, но не выходя в полосу лунного света, бьющего из окна. В тени мне спокойнее, а то от взгляда Винсента кажется, что он меня насквозь видит. – У Лестрейла тоже нет недостатка в женском внимании, но ему же упёрлось завладеть именно мной.

На миг глаза Винса вспыхивают холодной яростью.

– Не сравнивай меня с ним.

Неопределённо пожимаю плечами.

– О чём ты хотел поговорить?

– Что, не терпится? – он усмехается. – Любопытная.

Винс садится и проводит рукой по волосам, отбрасывая их назад. Невольно любуюсь движением мышц под плотно облегающей его льняной рубашкой. Быть может годы прав-

ления сделали из него ледышку, но внешне он остаётся исключительно привлекательным. Отвожу взгляд, чтобы он не заметил моё внимание – это вызовет лишь новый приступ самодовольных улыбок и насмешек.

– Ты активно участвовала в событиях годовой давности, что произошли с моей сестрой, – говорит он деловым тоном. – Вильгельмина оставила своего мужа, разорвав брак, который служил гарантом мира между ледяными и огненными драконами.

– И ты решил запоздало меня поблагодарить? – ехидно спрашиваю я.

Он удивлённо приподнимает брови.

– Разве ты не получила свою награду? Ты стала главой дома дель Монроков, получила титул.

Приподнимаю краешки шерстяной накидки, совершая глубочайший реверанс.

– Да, как видите, моё ёрмунганд, награда получилась достойной.

В момент, когда я издевательски наклоняюсь в нарочито низком поклоне, чувствую, как взгляд Винса скользит по мне, будто он что-то ещё не успел рассмотреть. Поднимаю глаза, но ёрмунганд уже отвернулся, глядя куда-то в сторону. Так что же, он так же украдкой рассматривает меня, как я его?

– Когда это мы виделись в последний раз? – спрашивает он задумчиво, будто сам у себя, но я напоминаю:

– Летом, на свадьбе Вилле и Райдена.

Слово «виделись» тут употреблено слишком буквально, мы и правда просто мельком взглянули друг на друга, не перекинувшись и словом, даже кивком.

– И казалось, что у тебя всё хорошо, – кивает он. – Ты выглядела роскошно.

Умеет же он ввернуть комплимент, так что он кажется чуть ли не плевком. Поджимаю губы, чтобы спрятать неуместную усмешку.

– На тот момент у меня всё было неплохо. Но затем миновало лето, Совет Альянса, что следил за Ристайлом и за тем, как Лестрейл справляется с его управлением, дал императору испытательный срок и уехал. А Лесси начал охоту на ведьм, вернее, на всех, кто, как он посчитал, виноваты в его шатком нынче положении. Только вот все разбежались, кто куда, а я, как дурочка, осталась, думая, что меня он не тронет после того, как лично объявил меня баронессой дель Монрок. Но я не учла, что у него есть... личные интересы. В итоге он объявил, что как глава семьи дель Монроков я тоже должна ответить за преступления, что совершила моя семья. И вот я здесь, – неловко хихикаю я, совершая быстрый театральный поклон.

Винс слушает меня беспристрастно, ни один мускул не дергается на его лице, что сейчас напоминает лицо каменной статуи. Когда я завершаю свой невесёлый рассказ, он поднимается с постели и делает несколько шагов по комнате.

– Эта история имела много негативных последствий, – говорит он, и в его голосе, где-то там, на дне, я слышу беспокойство. – Скандальный развод Вильгельмины с огненным драконом всеми был воспринят, как доказательство, что огонь и лёд не могут быть вместе. Другие назначенные паром межрасовые пары тоже стали признаваться, что брак для них невыносим. Такая мелочь привела к новым вспышкам конфликтов на границе. Конечно, мне удалось обратить всё это против Лестрейла. Проблема в том, что ледяные драконы начинают провокации ничуть не реже огненных.

– Быть может, мы и правда не можем существовать вместе? – задумчиво бормочу я.

Винс угрожающе щурится.

– Оставь подобные мысли. Они ведут к тому, что мы движемся к новой войне семимильными шагами. На счастье, Лестрейл тоже не хочет войны, по крайней мере, сейчас. Потому он согласился отдать тебя мне.

Невольно вздрогнув от его пристального взгляда, и непонимающе смотрю на Винсента.

– А я тут при чём?

И снова уголок губы, что приподнимается вверх в ядовитой ухмылки, вместо искренней улыбки.

– Ты можешь помочь доказать всему миру обратное. Показать, что ледяные и огненные драконы могут не просто уживаться, но и влюбиться.

Я уже понимаю, к чему он клонит, и мне это не нравится,

потому я решаю играть дурочку до конца.

– Каким же образом?

– Многие знают нашу историю, – говорит Винс, словно пытаясь приморозить меня взглядом к полу. Я уже не знаю, куда девать глаза. – Но поверхностно, без подробностей. Дескать, была такая пара, но он стал правителем, и им пришлось расстаться. Представь, что подумает общественность, если мы заявим, что чувства жили все десять лет, и мы так и не смогли их побороть?

Он делает шаг ко мне, но я не выдерживаю – отступаю.

– Сыграть в любовь? – переспрашиваю я недоверчиво. – Ты предлагаешь мне фиктивный брак?

Пристальный взгляд отпускает меня из своих тисков. Винс искренне смеётся, запрокидывая голову.

– Брак? Руби, кто говорит о браке? У меня есть невеста, достойная ёрмунганда, принцесса Дашмана. Я предлагаю тебе стать наложницей, для всех – горячо любимой и любящей настолько сильно, что готовой смириться с наличием у меня жены в будущем. Жениться на дочери барона из Ристайла ёрмунганду не пристало.

Да, ничего нового. Прикладываю руку ко лбу, чувствуя внезапно нахлынувшую усталость. Я ему не пара, и он не устанет мне об этом напоминать. Его единственная любовь – это корона. Но я не позволю делать из себя пешку.

– Зачем ты вернулся? Снова разбить мне сердце? – шиплю я, с яростью глядя на безмятежное лицо того, кого однажды

любила.

– Твоё сердце мне не интересно, – ухмыляется он. – Это сделка. Мы сыграем в любовь ради мира между нашими странами.

– Только ты мог предложить такое. Ведь у тебя самого сердце ледяное.

– В самом деле, – шепчет он, вдруг оказавшись совсем близко. – Но я напому тебе, что даже с ледяным сердцем могу быть очень горячим...

– Не прикасайся! – восклицаю я, отталкивая его с силой. Неожиданно он даже покоряется и отступает. – После всего того, что произошло по твоей вине, ты думаешь, что можешь просто так приехать и заявить подобное?! Хочешь, чтобы я стала твоей официальной подстилкой без права на что-либо? Ты ничуть не лучше Лестрейла!

Он хватает меня за запястье, притягивает к себе, обжигая льдом.

– После всего того, что произошло по твоей вине, скажи спасибо, что я делаю тебе такое предложение просто из благодарности за помощь Вилле. Это твоей единственный шанс выжить, уехав в Дахраар. Иначе утром ты взойдёшь на эшафот за покушение на императора – он будет рад такому развлечению в свой день рождения.

Вот же гад! Да это прямая угроза! Покорись мне, Рубия, или гильотина изуродует твою прекрасную шейку. А зная Лестрейла, быстрая смерть мне не светит.

Но вот чего не учёл Винсент, что я тоже одиннадцать лет не сидела в поместье, устраивая чаепития. Пираты и контрабандисты на морской границе Ристайла любили провокации, насмешки и угрозы, так что я научилась реагировать на них с совершенно безмятежным лицом.

Безэмоционально выслушиваю его отповедь, затем выдёргиваю свою руку и молча направляюсь к двери.

– Рубия, – железным тоном обращается ёрмунганд. – Ты куда собралась?

Этот тон не терпит возражений и требует однозначного подчинения. За столько-то лет он его здорово отточил. Только вот я не его подданная и не спешу раболепствовать перед каждым встречным мужчиной с замашками властного господина.

Кладу руку на дверную ручку и тогда только равнодушно оборачиваюсь на Винса через плечо.

– Как куда? Схожу, навещу махарани Вайшны и султана Дашмана. Вдруг они тоже захотят, чтобы я стала их любовницей, раз уж я так популярна среди правящих. Может, они и условия получше предложат.

В ночной тишине нетрудно услышать, как Винсент скрепит зубами. Ледяной взгляд полон недовольства, но он сдерживается и вкрадчиво произносит:

– Если дело в условиях сделки, назови свои, мы их обсудим.

Я дарю ему снисходительную улыбку. А вот это уже со-

всем другой разговор. Если он так легко пошёл у меня на поводу, то, насколько я знаю Винса, всё несколько иначе, чем он хочет показать.

– О, мой ёрмунганд, – пою я сладко, – если бы дело было просто в отношениях между расами драконов, ты мог легко бы взять в наложницы любую огненную драконицу. Среди знати нашлись бы десятки дам, что с радостью прыгнули бы к тебе в постель без каких-либо условий. Так что тебе совершенно нет резона торговаться со мной, только если...

Я замолкаю, пытаюсь угадать перемену в его выражении лица, но контролю он тоже здорово научился за прошедшие годы. Винсент скрещивает руки на груди и приподнимает брови.

– Только если...? – надавливает он.

– Только если тебе не нужна именно я.

Не вижу никаких признаков своей правоты на его маске, потому решаю попросту блефовать. Винсент поджигает идеально очерченные губы и нехотя роняет:

– Возомнила себя избранной? Я просто решил отблагодарить тебя за помощь Вильгельмине, не более. Если тебя не устраивает протянутая рука – на твоё место найдётся множество желающих.

Блефует ли он, вот в чём вопрос. Щурюсь и киваю.

– В таком случае, удачи тебе на отборе огненной наложницы.

Снова поворачиваюсь к двери.

– Рубия! – гневно окликает меня ледяной дракон. – Не думай, что я буду бежать за тобой и умолять. Если выйдешь отсюда – моё предложение сгорит. Тебя будет ждать арест и эшафот. И я не стану впрягаться за тебя, рискуя отношениями с правителем соседней страны. Будешь сама по себе.

Хочется смеяться в голос. Ну что за наивность, право слово? Он на слабо меня берёт?

– Одиннадцать лет, что мы не виделись, я играла со смертью, – говорю я, даря ему прощальную улыбку. Не уточняю, кто виной тому, что судьба привела меня на границу. – Я тонула в морской пучине, помогала спасти разбитые корабли и бесконечно сражалась с людьми, что не знают чести и используют самые грязные приёмы. Знаешь, правители не сильно отличаются от пиратов. И если мне предлагают стать игрушкой Лестрейла или занять роль твоей восьмой в пятом рядом подстилки при жене и целом гареме, я предпочту высоко вздёрнуть подбородок и взойти на эшафот. Потому что там погибнет Рубия дель Монрок – не подстилка, не игрушка и не жертва. И я готова сыграть со смертью ещё один раз – кто знает, может, я снова выиграю?

И я ухожу. Винсент, верный своему слову, не бежит за мной и даже не окликает. Его стража провожает меня заинтересованными взглядами, но не смеет сказать и слова.

Стража Лестрейла поджидает меня на выходе из крыла дворца, что выделили делегации из Дахраара. Не знаю, были ли они приставлены сюда, чтобы следить за происшествия-

ми, или правда ожидали моего появления в робкой надежде. Вижу на их лицах удивление, когда они видят мою одинокую фигуру, но затем один из мальчиков в форме радостно достаёт оружие.

– Рубия дель Монрок! Вы арестованы по обвинению в нападении на Его императорское Величество Лестрейла Третьего!

За те секунды, что он говорит, успеваю окинуть взглядом коридор и лестницу. Предположим, я подножкой собью парня с ног, заберу его оружие и сражусь со вторым. Несмотря на моё плачевное состояние, у меня больше боевого опыта, я без труда его одолею. Сделать бесшумно это невозможно – я привлеку внимание другой стражи, и меня схватят.

Если не сражаться, а броситься к окну, я могу даже успеть выбить его саблём. Прыжок с третьего этажа и порезы осколками не сулят мне ничего хорошего – сила дракона во мне заперта. Этот вариант ещё хуже первого.

Если бежать по лестнице вниз, я просто буду снова бесцельно носиться по дворцу, пока меня не поймают.

Неужели тупик? Силы совсем покинули меня, даже силы думать. Не стоило мне общаться с Винсом, это непременно выбивает меня из душевного равновесия. К слову, есть вариант развернуться и спрятаться под крылом его стражи, тем самым принимая его предложение. Вернуться к нему униженной и смилившейся, продать свою свободу за жизнь...

– Ну и пожалуйста, – фыркаю я, протягивая стражникам

руки. К моим разьединённым браслетам присоединяют цепи. Косятся на меня с опаской и подозрением, так что я не выдерживаю и хищно улыбаюсь. – Не бойся, губастик! Не съем.

Вечер, безумные и насыщенный, заканчивается там же, где и должен был: в холодной промозглой камере. Разница лишь в том, что я одета в роскошные шелка и завёрнута в шерстяную накидку, что так и не вернула Винсенту. Сон не идёт, но и здравых мыслей в голове нет.

Я... погибну завтра? Так внезапно и нелепо. Думала, смерть настигнет меня в бою, а вследствие приказа моего крысopodobного кузена.

Почему я так сломлена внутри? Только потому, что тот, из-за кого моя жизнь пошла под откос, явился, унизив меня ещё сильнее? Неужели мне надо так мало? Неужели я так слаба?

Скрежет решётки выводит меня из транса. Начальник стражи, сонный и недовольный, выразительно смотрит на меня. Я и не заметила, как наступило утро, вероятно, всё же задремала, потому сейчас плююсь на него в ответ ничего не понимающим взглядом.

Они так быстро организовали всё для казни? Лестрейл правда хочет сделать это своим первым впечатлением на день рождения?

Главный стражник смущённо чешет репу.

– Аллара дель Монрок, – говорит он почти уважительно.

– Позвольте проводить вас.

Он что, меня жалеет, поэтому такой вежливый? Да у него за столько лет службы сердце должно было стать черствее того хлеба, что подают в тюрьме.

– Куда? – спрашиваю я, садясь, хотя догадываюсь, каков будет ответ.

– Так это... – он откашливается и выпаливает словно отрепетированную речь: – Его императорское Величество Лестрейл Третий просит вас сопровождать его на мероприятия в честь августейшего дня рождения! Велено со всей лаской и любовью вас проводить, почтенная аллара!

И тут я окончательно перестаю понимать, что происходит.

Глава 3 Шпионка Его Величества

Ощущение дежавю не покидает меня ни на минуту: почётное сопровождение в крыло наложниц, роскошная ванная, хотя я, вроде, не запачкалась, затравленные и презрительные в соотношении один к одному взгляды служанок. Я не спешу ничего предпринимать, потому что, признаться, слишком недоумеваю.

А уж когда прислуга торжественно вносит в комнату невероятной роскоши алое платье, расшитое золотом и рубинами, я начинаю сомневаться в собственном восприятии реальности. Может, и не было ночного общения с правителями, а у меня просто слишком яркие сны?

Но когда меня облачают в наряд перед зеркалом, дверь распахивается, и служанки тут же бросают все дела, склоняясь в приветственных поклонах императору. Я тоже по привычке делаю реверанс, а затем вглядываюсь в лицо Лестрейла.

Увы, глаз задеть мне не удалось, а толстый слой пудры едва скрывает четыре глубокие рывины, разрезавшие монаршие лоб и щёку. Над ними явно поработал хороший целитель, или потрачено было немало заживляющего зелья, но они всё равно не исчезли полностью.

Быть может, и глаз пострадал, но его успели спасти? Жаль, что у Лестрейла такие хорошие врачи.

Что напрягает меня сильнее всего, так это радостная, даже счастливая улыбка кузена, с которой он приветствует меня. Он протягивает в мою сторону руки и воркует, как голубок на главной площади Тамейна:

– Ах, Рубия, кому как не тебе идёт алый?

Он окидывает ленивым взглядом весь собравшийся тут штат прислуги, презрительно дёргает ноздрей и бросает:

– Оставьте нас.

Тут уж бесполезно молить их остаться. Все выходят, оставляя меня с императором наедине.

– Смело, – я иронично приподнимаю бровь. – Жизнь ничему не учит вас, Ваше Величество?

Лестрейл смеётся. Признаться, если бы он вскипел от гнева, на душе мне было бы спокойнее. У него слишком хорошее настроение, и дело тут явно не в дне рождения.

Он подходит ближе и крутит пальцем в воздухе, веля мне повернуться к зеркалу. Повернуться спиной к Лестрейлу? Такая глупость не пришла мне в голову. Я продолжаю стоять, как вкопанная, и он досадливо цокает языком.

– Рубия, моя красавица, откуда столько недоверия во взгляде?

Он берёт с бархатной подушечки роскошное кольцо, переливающееся даже в дневном свете, и подходит ко мне.

– Не примеришь?

Вырез на платье идеально подходит под это кольцо, да и сам наряд сделан явно чтобы подчеркнуть все достоинства моей

фигуры. Я со смутной тревогой наблюдаю за императором.

– К чему всё это?

– Я хочу, чтобы ты блистала!

– Может, и наручники прикажешь снять?

Он кривится.

– Прикрой рукавами. Я не стану их снимать, пока не буду уверен, что тебе можно доверять, куколка, – широко улыбается он, а затем протягивает руку, заставляя меня прижаться спиной к холодной поверхности зеркала, и треплет за щёку, как ребёнка. – Ты моя умница!

Ну тут два варианта: либо я сошла с ума, либо он.

Напевая себе под нос песенку, он отходит к столику с украшениями и принимается перебирать их. Я же брезгливо потираю щёку, не сводя с него подозрительного взгляда. Как я и привыкла ждать от Лестрейла, он не томит меня вопросами долго.

– Не знаю, чем ты обольстила этого варвара, быть может, его просто замучила ностальгия, но я чувствую: он не уедет без тебя. И нам это на руку!

– Нам? – восклицаю я с нервным смешком. – И давно у нас общая рука?

– С тех пор как ты решила, что заслужишь моё помилование, вернёшь себе титул и получишь компенсацию в десять тысяч, – говорит он. – Как тебе такое?

– И за что же такое обилие бесплатного сыра? Какого размера та мышеловка?

Он ухмыляется, невольно напоминая мне Винса. Тот тоже потерял способность улыбаться искренне, и даже ухмылка затрагивает только его губы, не касаясь ледяных глаз. Неужели все правители такими становятся?

– Ты поедешь с ним, Рубия. Будешь ему жилеткой для слёз, нянькой, стряпухой, любовницей – это не моё дело, зачем ты ему понадобилась. Но для меня ты станешь шпионкой, которая имеет допуск куда угодно. Даже в спальню ёрмунганда.

Снова ощущаю тягучую, неподъёмную усталость и растираю шею, будто это поможет помочь избавиться от этого чувства.

– Не заинтересована, – сухо сообщаю я. – К тому же, вынуждена тебя расстроить, но я вчера ушла от Винсента, и он сказал, что тем самым я утратила шанс на его расположение.

На миг император с сомнением закусывает щёку, но затем легкомысленно отмахивается.

– Ерунда! Подойдёшь, состроишь ему глазки, а если надо – кинешься в ноги. Уверен, эта глыба льда растает.

– Ты переоцениваешь его желание меня заполучить.

– О нет, – его глаза нездорово блестят. – Это ты недооцениваешь его.

Снова подойдя ко мне, Лестрейл хватается меня за плечи и разворачивает к зеркалу, прежде чем я успеваю спохватиться. Он прикладывает кольцо к моей шее и кладёт голову мне на плечо, наигранно любуясь отражением.

– Да и как мужчина может не желать тебя? Ты соткана из порока.

Равнодушно смотрю в зеркало. Так мне говорили всю жизнь. Слишком яркая, слишком привлекающая взгляд: рыжие волосы, янтарные глаза – признак чистой крови огненных драконов, соблазнительные изгибы фигуры, пухлые губы и проклятая пламенем родинка под губой, которая, как мне часто говорили, дополняет образ роковой красотки.

Всю жизнь меня за глаза считали стервой, просто основывая мнение на моей внешности. Как будто я виновата. А мужчины с первого взгляда начинали полагать, что я легкодоступна.

Тем легче всем было поверить в это, когда вскрылось, что я не сохранила невинность до брака. Родная мать оповестила об этом свет, император клеймил меня, а остальные переговаривались за спиной: «Наверняка и этот ледяной был у неё не первый».

Поджимаю губы, пряча свою глубокую обиду.

– Ну, не куксись, – мурлычет Лестрейл, и я слышу, как щёлкает застёжка колье, словно на меня надели рабский ошейник. – Не в мой день рождения. К слову, ты меня не поздравила.

Он манерно хлопает в ладоши, и внутрь тут же заходит незнакомая служанка с подносом. На нём два бокала с чем-то игристым. Я же думаю не о напитке, а о том, что те, кто

ждёт команды Лестрейла внести напитки, и весь наш разговор слышали. Император принимает слуг за мебель, не иначе.

Изящный фужер оказывается в моей руке. Нюхаю напиток, он пахнет личи и щиплет нос. Лестрейл иронично приподнимает брови.

– Если бы я хотел убить тебя, Рубия, то выбрал бы вариант поинтереснее яда.

Смерть от яда – позорная и низкая, но я не отравы боюсь от Лестрейла. Ищу в бокале хорошо знакомый из-за истории с Вилле запах дурмана или иной травы, что может подмять под себя моё сознание. Но дурмана там явно нет – его запах не перебить личи.

– С днём рождения, кузен, – иронично бросаю я и залпом осушаю бокал, а затем швыряю его в зеркало. Оно остаётся целым, а бокал разлетается вдребезги.

Лестрейл смеётся.

– Но на самом деле яд там был, – говорит он с абсолютно счастливым видом.

Закашливаюсь от неожиданности, но быстро возвращаю себе самообладание. Что делать? Два пальца в рот помогут? Если бы помогали, вряд ли Лестрейл раскрывал бы мне карты – он хитёр и предусмотрителен. И всё же я срываюсь и несусь в уборную, слыша залиvistый хохот кузена в спину.

– Поздно, куколка, он уже часть тебя!

Ничего. Я давненько не ела толком, и мой организм отка-

зывается выдавить из себя игристое. Ругаясь про себя, я возвращаюсь в комнату и сверлю взглядом императора.

Прислушиваюсь к себе, но ничего неожиданного не чувствую. Связано ли это с запертой силой дракона или Лестрейл попросту блефует и никакого яда нет и в помине? А может, это медленнодействующая отравка?

Кузен невозмутимо опустошает второй бокал и ставит его на столик. Сейчас я отчётливо вижу, что они отличались, наверняка чтобы Лестрейл случайно не хлебнул то, что не нужно. Именно эта деталь заставляет меня напрячься, ведь просто так разную посуду нам бы вряд ли подали.

– Хочешь напугать меня смертью от яда? – спрашиваю я почти разочарованно. – Не самая благородная смерть для воительницы, но мне не принципиален способ. По крайней мере выглядеть в усыпальнице я буду роскошно, твоими стараниями.

Тихое пакостливо хихиканье Лестрейла заставляет меня нервно сглотнуть слюну. Я хорохорюсь, но меня напрягает его настроение.

– Было бы слишком просто дать тебя яд и шантажировать, предлагая дать клятву в обмен на противоядие, – говорит он. – Я же знаю тебя, Рубия. Твоя гордыня тебе важнее жизни. Ты бы угасала от яда, гордо вскинув подбородок и глядя мне в глаза.

Пожимаю губы, понимая, что подонок и правда знает меня неплохо.

– Нет, на такую, как ты, нужна управа поизысканнее, поизобретательнее! – продолжает он восторженно. – И я, как любитель иронии, не мог не оставить этот яд именно для тебя. Что может быть трагичнее, чем дочь, косвенно пострадавшая от руки матери? Ведь это последняя ласточка, что создала тётушка, прежде чем отправиться в изгнание, – довольно улыбается Лестрейл.

Вздрагиваю от упоминания матери. Если тут замешана она, то со мной может случиться всякое. Мать гениальный алхимик, гениальный – и одержимый. Когда доходит до любимого дела, для неё стираются понятия этики и морали. Яд, изобретённый Аделаидой дель Монрок, обязан быть воплощением безумия и кошмара.

Император косится на меня, будто ожидает, что я поддержу диалог, но затем не выдерживает и продолжает сам:

– Аделаиду очень волновала надёжность зелий, влияющих на разум. Их воздействие слишком легко обнаружить даже визуально. Другое дело, если твоя жертва выполняет приказы добровольно и с песней, оставаясь собой... верно?

– К чему ты клонишь? Что делает твоя отравка? – хмурюсь я, с трудом сдерживая гнев. Приходится сжать руки в кулаки, чтобы ногти больно впились в ладонь – это отрезвляет. Лучше разузнать всё у него, прежде чем впечатывать его рожу в зеркало.

– Давай посмотрим, – ухмыляется Лестрейл, томно рассматривая свои ногти, а затем резко сжимает пальцы, глядя

на меня с безумным торжеством.

Чувствую, как поток воздуха в лёгкие перекрывается. Пытаюсь вдохнуть, отчаянно хватаюсь за горло, но не могу сделать и глотка воздуха. Лестрейл смеётся, пока я открываю рот, словно выброшенная на берег рыба.

В глазах темнеет, с губ срываются одиночные хрипы, я падаю на колени, чувствуя, как сознание покидает меня, как в следующий момент я, наконец, судорожно вдыхаю. Когда пелена тьмы спадает с глаз, я в уничижительной позе, на четвереньках, поднимаю глаза на императора.

Он довольно щурится, окидывая меня взглядом.

– Отличный ракурс. Мне нравится. А тебе понравилось наше маленькое испытание?

Мои голосовые связки пока не готовы к речи. Я пытаюсь отдышаться, но не могу позволить Лестрейлу смотреть на меня сверху вниз. Опираясь о тумбу, я поднимаюсь, невольно бросая взгляд в зеркало. Глаза покраснели, на лбу выступили вены – все признаки того, что я только что задыхалась.

– Это тебе маленькое наказание за мой глаз, – кривится Лестрейл. – Знаешь, целители мурыжили меня полночи, чтобы его залечить. Если бы им это не удалось, я бы казнил и их, и тебя, прямо на глазах у твоего варвара. Я бы лично медленно душил тебя...

– Заткнись, – бросаю я хрипло.

Голова кружится, я пошатываюсь, но всё же выпрямляюсь. Лестрейл снова меняет настроение на благодушное.

– Люблю, когда ты дерзишь. Ну так что, готова обсудить условия нашего сотрудничества?

Пусть он может перекрыть мне дыхание, если я брошусь на него, успею ли задушить до того, как действие зелья удушит меня? Поднимаю хмурый взгляд исподлобья и решаюсь – всё равно терять мне нечего.

Но он что-то предугадывает в моём взгляде. Тело перестаёт слушаться меня, словно я двигаюсь через слой чего-то плотного, а затем и вовсе замираю. Ни одна мышца рук или ног не слушается, только грудь панически вздымается, совершая рваные вдохи и выдохи.

Посмеиваясь, Лестрейл неспешно обходит меня по кругу, разглядывая, как статую в музее. Я и правда сейчас напоминаю недвижимую скульптуру, могу лишь преследовать его глазами.

– Видишь, как занятно, средство тётушки не даёт выпившему вторую его часть власть над разумом того, кто выпил первую. Но вот над телом... Я не могу заставить тебя идти, куда мне нужно или говорить то, что мне требуется. Но я могу заставить твои нервы испытывать боль, будто тебя кинули в ледяную воду, могу заставить тебя задыхаться, могу парализовать каждую мышцу твоего прекрасного тела...

Чувствую, как его руки движутся по моей талии. Беззащитная. Беспомощная. Это то, чего я боюсь больше всего. Лучше отберите мою жизнь, но не отбирайте свободу!

– Представляешь, что я мог бы сделать с тобой сейчас? Ммм, ты даже не сможешь сказать «нет», куда уж схватить вилку...

От сладости в его голосе меня начинает подташнивать. Чувствую, как глаза начинает печь от подступающих слёз. Я ничего не могу сделать, я проиграла этому подобию дракона!

– Мне нет никакого смысла убивать тебя, – ласково шепчет он на ухо. – У нас впереди хоть вечность – этот яд сам не покинет твоё тело без противоядия. Я могу заставлять тебя метаться в агонии, пока ты не будешь согласна на всё. Мне это понравится, а вот тебе – вряд ли. Но гордость же важнее, да, Рубия?

Я не буду плясать под чужую дудку! Всё, что мне нужно – попасть к матери, чтобы она избавила меня от своего чудовищного изобретения. Но Лестрейл так просто меня не отпустит.

Но... Винс? Можно ли заставить его отвезти меня в Академию, где сейчас работает Аделаида? Если Лестрейлу так необходимо, чтобы я покинула Ристайл в свите ёрмунганда, я могу схитрить. А избавившись от яда, сбегу от обоих правителей, да горят они в вечном пламени, в счастливую новую жизнь.

Страшная сила отпускает моё тело. Чувствую дрожь и слабость, но поднимаю на Лестрейла равнодушный взгляд.

– Хорошо. Я пойду к ёрмунганду.

Лестрейл снисходительно улыбается.

– Конечно, пойдёшь. И не вздумай дурить, Рубия. Если мне хоть что-то в твоём поведении покажется подозрительным – рисковать не стану.

– Убьёшь меня? – спрашиваю с вызовом.

– Я говорил, что делать этого не стану. Смерти ты не боишься, зачем пугать тебя ею? – игриво спрашивает он, щечка меня под подбородком.

Брезгливо одёргиваюсь, а затем чувствую сдавивший сердце, отвратительный мне страх. Что если Лестрейлу не понравится моё пренебрежение, и он снова решит меня «проучить»?

Что же, я теперь буду бояться и слово ему поперёк сказать, потому что он может устроить мне внезапный паралич или сеанс чистой боли? Вспоминаю ощущение беспомощности и отчаяния, что захватило меня в момент действия яда. Нет, эти чувства надо гнать прочь, и кузену нельзя дать понять, что он нашёл на меня рычаг давления.

Это отвратительный день, один из самых кошмарных в моей жизни. Лестрейл таскает меня с собой на все мероприятия, посвящённые его дню рождения: и на открытие статуи в его честь в парке, и любоваться, как он толкает речь с балкона, и на ипподром, где сегодня особые скачки – ведь все знают, как обожает их император! Не знаю, подыгрывают ему или нет, но выигрывает именно тот скакун, на которого он ставил. Ну и напоследок – драконьи бои.

Обычно это завораживающее зрелище, демонстрирующее

боевое искусство воинов в драконьей ипостаси, но сегодня я едва смотрю на сцепившихся в схватке драконов.

Лестрейл украдкой склоняет голову к моему уху, и я слышу липкий шёпот:

– Улыбайся, драгоценная кузина. Все смотрят на нас.

Упрямо поджимаю губы. Уголки рта Лестрейла приподнимаются в предвкушении.

– Будет печально, если тебе вдруг станет плохо при всех. Болезнь моей несчастной кузины, ставшей овощем на всю оставшуюся жизнь, конечно, омрачит праздник в мою честь. Но я буду ухаживать за твоим недвижимым телом со всей отдачей...

Лучезарно улыбаюсь подошедшему к нам герцогу Салини, нашему общему с Лестрейлом кузену. Салини старше, имеет репутацию ловеласа и хитреца, очень осторожен и всегда на стороне победителей. Довольно типичный персонаж для огненных драконов.

Подумалось вдруг, что мы измельчали с поколениями, не чета зелёным или водным...

– Ваше Величество! – Салини припадает губами к камню на перстне Лестрейла. – Всех благ желаю от души, но думаю, мой подарок скажет больше, чем просто слова. Рубия! Великолепна, как всегда! Твоя улыбка растопит и вечные льды Дахраара!

Продолжая улыбаться, я терплю то, как он лобызает мою руку, а сама думаю, что и Дахраар этот лукавый змей упомя-

нул не просто так, а чтобы задеть меня. И ведь без особой цели, а просто чтобы пнуть лежачего.

Я вынуждена приветствовать гостей Лестрейла, будто я хозяйка вечера. В принципе, это допустимо протоколом, ведь мы же родственники. Пожалуй, улыбаться и подавать руку для поцелуя – это то, что можно потерпеть перед угрозой остаться парализованной куклой в лапах моего нездорового кузена. Меня лишь пугает мысль, что так, потихоньку, он и сломает меня, начиная с простых приказов, а в итоге поручая всё более мерзкие вещи. Лишь бы не потерять эту грань.

Когда мы возвращаемся в роскошно украшенный для приёма дворец, я осознаю, что самое утомительное ещё впереди: будет бал, фуршет и танцы. Столы с дарами для императора так и ломаются, переливаясь золотом и камнями, да и наряды гостей не уступают.

Кусок в горло не лезет, потому Лестрейл заботливо говорит:

– Не будешь есть – потеряешь свои знаменитые формы и станешь никому не нужна.

После такого остатки аппетита меня покидают, потому император, снова наклонившись ко мне, уже привычно страстно шепчет:

– А если решишь довести себя до смерти голодовкой, поверь, я в любой части света найду того, кто запихнёт еду тебе в глотку.

В тот момент, глядя на канале на тарелке, я чётко осознаю: всё, хватит. Эти шпажки я немедленно воткну в его поганую рожу, и пусть его отравы заставит меня кататься по полу от боли, я позабочусь, чтобы он ощутил не меньшую.

Вытягиваю шпажки из нескольких канале, зажимаю их между пальцев, создавая импровизированный кастет. Нет, Лесси, ты не ту драконицу выбрал своей марионеткой.

И тут, как назло, обнаруживаю, что распорядитель уволок императора прямо у меня из-под носа. Бежать за ними через весь зал глупо, потому решаю просто подождать. Лестрейл про меня не забудет, вернётся, и тогда мы пообщаемся по душам.

С тоской гляжу на своё жалкое оружие. Вилка – и та была более впечатляющей.

В зале повисает торжественная тишина, и все поворачиваются к постаменту, на котором в магическом свете стоит император. Он воздевает руки к потолку, и гости приветствуют его аплодисментами.

– Мои дорогие гости! – громогласно восклицает он. – Аллоры и аллиры, аллены и аллары, я рад приветствовать вас всех в своей скромной обители, чтобы отпраздновать не менее скромную дату, даже не юбилей, настолько всё у нас без галстуков и по-свойски!

По залы прокатываются одобрительные смешки.

– Сегодня у меня к вам лишь одно требование, даже приказ: ешьте, пейте и веселитесь до упаду в мою честь! Танце-

важный вечер объявляется открытым!

Музыканты начинают играть бодрящую мелодию. Гости спешно бросают тарелки и бокалы на подносы прислуги и разбиваются на пары. Бестолково оглядываясь вокруг, восхищаясь и усмехаясь одновременно от нелепого зрелища, как всем резко захотелось потанцевать. Всё в угоду имениннику!

Ко мне же подходят два стражника в парадных мундирах и с почтением кланяются.

– Его Величество Император приглашает вас на первый танец! – оповещает один.

Не успеваю и глазом моргнуть, как у меня забирают и тарелку, и шпажки, и под белые ручки тащат к Лестрейлу. Ладно, первое покушение на сегодня провалилось. Придётся искать другие возможности.

Хорошо, что это не какой-то медленный торжественный танец, требующий прижиматься друг к другу. Мне нравится держать Лестрейла на расстоянии, пусть его рука и покоится на моей талии.

– Ты двигаешься, как бревно, – кисло сообщает мне он. – Так ты не привлечёшь ёрмунганда.

Хочу огрызнуться в ответ, но вдруг понимаю, что он совершенно прав. Мне нет резона пытаться навредить Лестрейлу, я сделаю только хуже. Сейчас даже Винс с его новоприобретёнными чертами характера кажется мне спасением.

В юности я не была сильна в танцах. Я считала всё девичье скучным и предпочитала танцу оружие. Базовые движения я знала, ведь аристократке без танцев никуда, но не вкладывала в них душу. Но когда в Академии я познакомилась с Вильгельминой, то было поражена, как различаются стили боя у женщин и мужчин Дахраара. Со своим копьём Вилле едва ли не плясала, словно была не воительницей, а балериной.

— Зачем нам равняться на мужчин? — спросила она у меня с искренним удивлением. — У них есть гора мышц, но большинство от природы обделено грацией.

— Разве грации место в бою? — усмехнулась я. — Это больше подходит для танцев.

— Бой — это и есть танец, — серьёзно кивнула ледяная драконица. — В танце и сражении я чувствую нечто похожее, словно моё тело ведёт чистое вдохновение.

И я прониклась её словами настолько, что переняла её танцевальную манеру боя. Ну а танцу научилась отдаваться без остатка.

Я не буду бегать за Винсом и причитать, что передумала и принимаю его предложение, прежде всего потому что моё уничтожение скорее отвратит его. Я знаю Винсента, его не пронять крокодильими слезами и просьбами дать второй шанс. Чтобы он дал мне этот шанс, я должна заставить его самого подойти ко мне и пригласить на следующий танец.

Прикрываю глаза, вдыхаю и отступаю от императора, чувствуя, как он недовольно тянет меня за руку.

– Хочешь, чтобы я привлекла ёрмунганда, Лесси? Так дай мне делать то, что нужно.

Я не танцую с ним, но всему залу, думаю, кажется, что я танцую для него, в то время как я надеюсь привлечь взгляд совершенно другого мужчины. Полы платья в свете парящих по залу шаров света переливаются всеми оттенками алого, а золотая вышивка и камни на ожерелье вспыхивают, как искры. Мои волосы, мои глаза, мой наряд – всё сливается в едином воплощении огня, и движения мои напоминают пляшущие языки пламени. Это танец – моё финальное откровение, ведь только падшая Рубия дель Монрок в толпе высокопоставленных аристократов может плясать, словно наложница перед ночью с императором.

Взгляды людей полны разными чувствами – у кого неодобрением, у кого восторгом, словно в день, когда меня в цепях тащили услышать финальное решение Лестрейла. Я завершаю танец финальным па и склоняюсь перед императором в глубоком реверансе в ту же секунду, когда замолкает музыка.

Кажется, никто вокруг больше не танцует. Все смотрят на нас. Лестрейл ухмыляется и начинает медленно патетически хлопать, и вскоре все вокруг подхватывают аплодисменты.

Не сразу, но музыканты начинают новую мелодию, а я слышу уверенные шаги.

– Лестрейл, – говорит голос за моей спиной. – Позволь украсть твою даму на танец.

Глава 4 От проблем не сбежишь

В глазах Лестрейла на миг отражается дикое смешение радости от того, что ёрмунганд сам плывёт в его сети, и жгучей ревности – несмотря на его гениальный, как он явно думает, план, Лесси не хочет отдавать свою любимую игрушку.

И всё же он любезно улыбается Винсенту.

– Разумеется, я не претендую на следующий танец, так что она совершенно свободна.

Ну да, кого интересует моё мнение. Даже не взглянув на Лестрейла, я чопорно подаю руку Винсу. Чувствую я себя эстафетной палочкой, но игра продолжается – я должна улыбаться и томно взмахивать ресницами.

Как же я устала. Этот день длится вечность, а мне ещё предстоит самое сложное. Пытаюсь уловить эмоции на лице моего партнёра, но Винс совсем не выглядит заинтересованным ни мной, ни танцем. Он ведёт безупречно, но механически – совсем как я, когда танцевала с Лестрейлом.

– Ты пришёл, – бесстрастно говорю я вслух.

– Ты же звала меня. Ни за что не поверю, что ты танцевала для своего кузена.

– Надо же, какое самомнение! – изумляюсь я, уязвлённая тем, что он попал в яблочко. – Ты думаешь, я могу танцевать только для тебя?

Он подхватывает меня за талию, поднимая в воздух, так

что у меня захватывает дух, хотя это движение в данном танце вполне обычное. Тогда только я ловлю в его глазах что-то похожее на прежнюю озорную улыбку, и сердце захватывает тоска.

Эх, Винс, ты мог быть кем угодно, даже лжецом, не держащим обещания, но ты никогда не был бессердечной ледышкой, равнодушно торгующейся с людьми. Неужели это корона так изменила тебя?

– После стольких лет ты всё ещё вызываешь у меня чувства, – вдруг говорит он, когда мои ноги снова касаются пола. Это странная фраза, и произносит он её отрешённо. – Это слабость, с которой нужно бороться.

– И в чём же проявляется твоя слабость? – хмыкаю я.

– Например, вчера я ждал, что ты одумаешься и вернёшься, когда поймёшь, что я за тобой не иду. Потом пошёл к Лестрейлу, но тебя у него не оказалось. Куда ты пропала?

– В тюрьму пошла, – равнодушно веду я плечом, вписывая это в танец.

– Там было лучше, чем со мной? – приподнимает бровь Винс.

– Там было холодно и одиноко. Один в один, как с тобой. Он хмурится, мои слова его явно задели. Я думала, мне доставит это удовольствие, но чувствую только вкус разочарования.

– Сейчас я снова проявлю слабость, которой прежде за собой не замечал, и спрошу снова: ты поедешь со мной, Руби?

Конечно, я должна согласиться, но на меня накатывает такая хандра, что я молчу, пока мой задумчивый взгляд блуждает по залу. И вдруг он натывается на Лестрейла, стоящего на своём постаменте и торжественно улыбающегося. Словив мой взгляд, он как бы невзначай потирает горло, и следующий вдох я пропускаю по указке чужой воли.

Всего один вдох, просто предупреждение, но меня охватывает паника. Сейчас не хватало свалиться посреди залы с хрипами! Следующий вдох, который Лестрейл мне уже позволяет сделать, рваный и судорожный. Винс замечает это сразу, с подозрением прищуривается, чуть обернувшись через плечо туда, куда смотрела я, а затем разворачивает нас в танце, закрывая меня от Лестрейла.

– Да что тут у вас происходит? Ты его настолько боишься? Ты – и боишься червя? – недоумевает он.

Если бы я могла доверять Винсу! Но тот, кто предал однажды, предаст и повторно. Да и узнав, что я фактически подчиняюсь Лестрейлу, он точно побоится держать меня рядом. А мне нужно, чтобы он отвёз меня в Академию.

– С чего ты взял? – спрашиваю я насмешливо. – Я выгляжу напуганной или тебе так хочется почувствовать себя спасителем?

Винс снова приподнимает бровь и сухо бросает:

– Если тебя не надо спасать, то и это, я полагаю, снимать не нужно?

Его руки скользят вверх от моих запястий, пока не оста-

навливаются на тяжёлый браслетах. Мои глаза распахиваются, и Винс усмехается.

– Думаю, наш разговор вчера не сложился, потому что мы не с того начали. Я не хотел оскорбить тебя сделкой, а надеялся, что мы оба сможем помочь друг другу, но выразил свою задумку не так, как следовало. В качестве извинения и в знак своей доброй воли, я сделаю тебе этот небольшой подарок.

Воздух вокруг нас густеет, кожа покрывается мурашками, а браслеты, хрустнув, деформируются и падают с моих рук на мраморный пол. Я видела, как Вильгельмина использовала такую магию, и ей потребовалось значительное усилие, чтобы освободить от оков её сестру Лисанну. Винс же даже бровью не повёл.

– Нужно было сделать это вчера, чтобы задать тон нашей беседе, – говорит он, глядя мне в глаза. – Теперь, Рубия, ты согласишься со мной наше... сотрудничество?

Меня переполняет эйфория. Дракону понадобится время, чтобы прийти в себя, но после нескольких недель в оковах я рада и такому. Музыка заканчивается, мы останавливаемся, и я, не сдержавшись, дарю Винсу искреннюю улыбку.

– Я открыта для обсуждений! – выпаливаю я молниеносно. – Если переговоры вести мы будем в Академии!

На миг он замирает, странно глядя на меня, будто его охватила внезапная ностальгия. Затем он с усилием прикрывает глаза и качает головой.

– Нет? – переспрашиваю я потерянню.

Да ладно, ему жаль сделать для меня такую мелочь?

– Это не ответ, просто... смотреть на тебя невыносимо,
– говорит он и поворачивается ко мне спиной, направляясь
прочь от танцевальной части зала.

Озадаченно смотрю ему вслед. Как это понимать?

– Будь готова, – бросает он, не повернувшись ко мне лицом.
– Отбываем завтра утром.

Меня передёргивает от ощущения внимательного взгляда. Даже поворачиваться не надо, чтобы понять, что это кузен жаждет узнать, удалось ли мне уговорить ёрмунганда.

Впрочем, ему не надо знать подробностей. Я победила! Я не дала Винсу никаких обещаний, но при этом меня ответят в Академию! Остаётся прожить как-то этот вечер и ночь, поддакивая императору, чтобы он убедился в моей покорности и не совал палки в колёса.

– Моя умница, – сладко тянет он, когда я подхожу ближе.
– Он у тебя на крючке. Когда ты окажешься в Дахрааре, тебе передадут дальнейшие инструкции. Следуй им, а если будешь своевольничать – мне сообщат, и придётся напоминать тебе, кто твой хозяин, самыми неприятными методами.

– А действие твоего зелья дотянется до Дахраара? – спрашиваю я язвительно.

– О, не переживай, – улыбается Лестрейл. – Нашу связь не нарушить ни расстоянием, ни временем. Ах, совсем забыл предупредить тебя о ещё одном побочном эффекте, но

теперь, думаю, самое время...

Смотрю на императора, предчувствуя, что мне не понравятся его слова – никогда не нравились, с чего бы вдруг начали? Он всё так же подчёркнуто учтив и слащав, а я насто-рожена.

– Я всё ждал, когда ты выкинешь какую-нибудь глупость, например, набросишься на меня с зубочисткой наперевес, чтобы увидеть это в действии, но ты меня разочаровала.

– И что бы тогда произошло? – небрежно бросаю я, вспо-миная свой кастет из шпажек.

– Видишь ли, милая, мою жизнь тебе надо беречь, как зе-ницу ока, – скалится он. – Ведь моя кончина будет означать и твою, а любое моё ранение перейдёт на тебя. Так что если вдруг твой дражайший Винсент вздумает сразиться со мной, то сначала он убьёт тебя, сам того не зная.

– Да ладно, – срывается с моих губ. – Ты блефуешь!

– Хочешь проверить? – ухмыляется кузен.

Он поднимает свою изящную наманикюренную ручку и проворачивает камень на перстне, из которого тут же выска-кивает толстая игла.

– Раньше тут был яд, – скушаяще поясняет Лестрейл, – но выветрился. А безделушка больно уж мне по душе.

Он медленно, с удовольствием проводит иглой по раскры-той ладони, а я морщусь, чувствуя, как проступает глубокая царапина на моей. Порез на руке Лестрейла затягивается па-раллельно с тем, как на моей ладони он проявляется. Подняв

руку, я убеждаюсь, что это не иллюзия.

– Это чудовищная магия, – шепчу я. – Подобной не должно существовать!

– Даже твоя мама так посчитала, – пожимает плечами Лестрейл. – Всё же не хватает ей жёсткости. Она могла бы добиться куда большего, отбросив некоторые принципы.

Да, по сравнению с императором даже моя мать кажется добродетельной и принципиальной особой, что прекрасно его характеризует, ибо по мнению любого адекватного человека Аделаида лишена принципов напрочь. Я даже не уверена, что она мне-то поможет. К счастью, я не возлагаю на неё особых надежд, скорее, даю ей последний шанс доказать, что она испытывает ко мне хоть каплю светлых чувств.

Что до кузена, от него я жду исключительно самые мерзкие пакости. И в борьбе с такой беспринципной, мелочной заразой мне понадобятся самые надёжные союзники. И очень хитрые...

К счастью, такие у меня на примете имеются, мне бы только с ними встретиться.

А значит, продолжаем придерживаться плана.

– Завтра утром я отбываю с ёрмунгандом, – сообщаю я. Лестрейл кивает.

– До того, как окажешься в Хрустальном дворце и получишь дальнейшие указания, попытайся подмазаться к нему, – ухмыляется он. – Ты же умеешь находить подход к мужчинам...

Он поддевает прядь моих волос, изучая её на свету, и брезгливо поджимает губы.

– Иногда мне так жаль тебя, – говорит он издевательски. – Все твои беды из-за того, что ты доверилась не тому мужчине. Ты могла бы быть главой рода дель Монроков, как хотел твой отец, или даже императрицей... Но твоя наивность тебя погубила.

– Я была юной. Я верила в любовь.

– Надеюсь, ты исцелилась, – хмыкает Лестрейл.

– Пилюля была горькой, но эффективной, – рассеянно отвечаю я, по привычке потирая плечо. Под тонкой алой тканью хорошо прощупывается рубец.

– И всё же на него ты смотришь щенячьими глазами, – Лестрейл подбородком указывает на высокую фигуру Винсента. – А я для тебя злодей. Но я растоптал твою жизнь из-за разбитого сердца, моя милая кузина. А он – просто так. Не забывай, Рубия, кто истинный злодей в твоей жизни.

Съедаю очередную его ложь, на этот раз приправленную крупницей горькой правды. Лестрейл никогда не любил меня, будь иначе – не ставил бы клеймо и не напоминал бы всю жизнь, что я просто использованная вещь. Но и Винсент ничуть не лучше.

Меня от них тошнит. Пираты, конечно, те ещё гады, но в период перемирия с ними смело можно выпить, не боясь, что тебе воткнут в спину кинжал. Даже у них есть кодекс чести, а уж меня они боялись и уважали. Интересно, сильно бы

они разочаровались, если бы увидели грозу морей вытанцовывающей перед императором в красном платье?

– Позволь мне покинуть торжество. Хочу отдохнуть перед дорогой, – смиренно прошу я, стараясь выглядеть как можно более несчастной, чтобы потешить Лестрейла. Видимо, получается, хотя мне и стараться особо не надо.

– Ступай, – кивает он благосклонно и протягивает мне руку для поцелуя.

Я наклоняюсь и тогда замечаю, что он не убрал иглу обратно в перстень. Она вся покрыта кровью. Рана затянулась, а та кровь, что уже пролилась, осталась. И это наводит меня на мысли.

У нас были разные бокалы, и про зелье он говорил так, будто оно двойное. «Наша связь», так он сказал. Значит ли это, что в крови Лестрейла может быть отпечаток этой магии? И не пригодится ли он мне?

Раз уж я вспомнила пиратов, может, стоит вспомнить и некоторые трюки, которым от скуки обучали меня наши арестанты, пока тянулось их заключение в приморской крепости. Ловкость рук – умение полезное и для того, чтобы шулерствовать, и для того, чтобы стянуть украшение с зеваки. Умельцы могут и ожерелье снять с дамы так, что она не заметит. Мои умения куда скромнее, но и Лестрейл не то чтобы внимательно следит за кольцами – вон у него их сколько.

Улыбнувшись, я томно взмахиваю ресницами и смотрю на

него снизу вверх из своего полупоклона. Ненавязчиво тяну его руку вниз, заставляя взгляд опуститься с моих глаз на декольте.

– Неужели ты так просто отпустишь меня? – спрашиваю я с придыханием, поглаживая его пальцы. – В страну вечного льда, прямо в руки тому варвару, которого так ненавидишь?

Он теряет, вздрагивает, глядя на меня с явными внутренними терзаниями, закусывает губу. Я настойчивее сжимаю его пальцы. Лестрейл хмурится и отворачивается, выдёргивая руку.

– Ты профукала все шансы. Раньше надо было думать, – брезгливо шипит он и отходит, чтобы пообщаться с одним из министров.

Довольно улыбнувшись, я направляюсь к выходу, пряча перстень в складках платья. Когда Лесси хватится перстня, будет слишком поздно. Да и ему не впервой случайно ронять их на балах. Пока прислуга перешерстит всю залу, я буду уже далеко.

Сегодня мне предстоит ночевать не в тюрьме, а в гостевой спальне, куда из камеры хранения доставили вещи, что были у меня при себе в день ареста. Проситься завезти меня в поместье, чтобы собрать вещи, я не хочу. Богатые платья мне вряд ли пригодятся, да и украшения несут больше риска, чем возможности продать их и прожить на эти деньги. В новую жизнь я войду без единой вещи из старой.

Открываю сумку, натыкаясь на кинжал в ножнах из ис-

кусно выделанной кожи. Рукоять изображает голову дракона, вместо глаз у которого небесные звёздчатые сапфиры. Вдыхаю, доставая драгоценное оружие, всё ещё хранящее идеальную заточку. Ладно, его я заберу. Нужно же мне как-то вооружиться? К тому же, я не могу оставить эту вещь.

Потому что храню обещания несмотря ни на что.

Ложусь в постель и сразу же засыпаю. Кажется, стук в дверь раздаётся почти сразу, как я закрываю глаза, но за окном уже светлеет.

Время ехать.

Глава 5 Увлекательная поездка

Проводить делегацию из Дахраара Лестрейл выходит лично, чтобы подчеркнуть уважение к ёрмунганду. И в качестве подкрепления своего уважения «подарок» – то есть меня – он выдаёт в красивой упаковке, да ещё и с сундуком сменных платиц.

Превращения в драконов на территории Ристайла были бы восприняты, как акт агрессии, потому вся делегация перемещается в каретах или верхом. Мне достаётся личное транспортное средство, в котором я совершенно одна, а Винс верхом на красивом серебристом олене едет впереди колонны. Для местных жителей дахраарцы – настоящее чудо, все норовят рассмотреть их получше.

Я прячусь за занавеской, ибо совсем не хочу, чтобы меня кто-то видел. Хотя толку? Вся знать уже в курсе, что Рубия дель Монрок стала даром для умасливания ёрмунганда. Жизни в Ристайле мне больше не будет.

К счастью, я и не намерена пытаться строить тут будущее. В Вайшне у меня имеются полезные знакомства – туда и отправлюсь.

Как только мы выезжаем за пределы Тамейна, делегация останавливается. Мне неинтересна причина заминки, но дверь распаивается, и на меня смотрит немолодая сухопарая женщина-дракон. Ёжусь, когда узнаю её.

– Хильда, – склоняю голову в приветствии я.

Нидхёгг, бывшая, если быть точной – жена покойного ёр-мунганда, дяди Винсента, Вильгельмины и Лисанны. Она окидывает меня презрительным взглядом и поджимает губы. Я знаю, я никогда ей не нравилась. Наверное, она была рада, что Винс не женился на мне, если Хильда вообще способна радоваться. И всё же раньше она была куда дружелюбнее.

– Для тебя – алленда Игельстрём, – цедит она, прожигая меня насквозь глазами-ледышками. – Выходи.

Не вижу причин спорить и покидаю карету. Замечаю, как несколько стражников-верберов вытягивают из багажника поклажу, что собрали для меня по приказу Лестрейла. Меня выселяют? Решили вывезти из дворца и выкинуть?

Вот так спасибо!

В следующий миг я в полной прострации наблюдаю за тем, как к сундуку подносят факел, и платья, которых я даже не видела, охватывает пламя.

– Пойдём, – нетерпеливо тащит меня за собой Хильда.

Озадаченная, спешу за ней. Меня приводят к менее роскошной повозке, которая, похоже, здесь как раз для перевозки вещей. Несколько служанок сооружают вокруг повозки ширму.

– Раздевайся. Догола, – тоном, нетерпящим возражений приказывает Хильда.

Я выразительно оглядываю покрытые снегом поля вокруг.

– Прохладно.

– Ничего, до смерти не замёрзнешь, ты же огненная, – фыркает бывшая нидхёгг. – И смотри мне, хоть платочек на себе оставишь – я сообщу ёрмунганду.

– Ему настолько делать нечего, что он будет лично разбираться с моими платочками? – язвительно спрашиваю я, приступая к расшнуровке платья под бдительным взглядом Хильды. – Вы не отвернётесь?

– Нет, – она скрещивает руки на груди.

Ну просто глыба льда, брр. Обернуться бы сейчас в дракона и улететь... Нет, успеют заметить, поймают. Убегать от такой толпы надо незаметно, в Академии у меня будет шанс получше.

Остаюсь в нижнем платье, стоя на подстеленном для меня коврикe босиком. Хильда выразительно приподнимает бровь.

– Догола, – повторяет она. – Нам не нужна ни одна ристайленская вещь в Дахрааре.

– Вы боитесь, что Лестрейл положил туда какие-то шпионские штучки, – догадываюсь я.

Хильда требовательно тянет платье у меня из рук, но я успеваю засунуть руку в карман и достать кинжал. Перекинув одежду через ширму служанкам, нидхёгг подбочивается.

– Что ты вытащила? Я же сказала, ничего не позволено оставить!

– Эта вещь не из Ристайла, – отвечаю я чопорно.

Цокая языком и ругаясь на дахрите себе под нос, Хильда пытается отнять у меня кинжал, и ей это удаётся. Вот вроде старуха старухой, а прыти в ней, как в истинной валькирии! И годы не помеха. Я недовольно щурюсь, а она, рассмотрев, что я прятала, изумлённо приподнимает брови.

– Это...?

– Не ваше дело, – бормочу я, отбирая кинжал обратно.

Её взгляд становится ещё холоднее.

– Раздевайся же быстрее, сама ныла, что замёрзнешь! – шипит она.

Глядя ей в глаза, я нехотя развязываю узлы на сорочке, после чего стягиваю её через голову. Когда я избавляюсь от оставшейся одежды, то остаюсь совершенно голой на коврик посреди поля, спрятанной от кучи солдатни только бурмажными ширмами.

– Одежду дадите? – буркаю я.

– Подождёшь, – в тон мне отвечает Хильда, а затем продолжает бубнить: – Аллара, направленная в гарем ёрмунганда, должна обладать здоровым телом. Я должна осмотреть тебя, таковы традиции.

– Угу, а ещё быть невинной, – хмыкаю я. – Вы и туда залезете?

– Боюсь, о твоей распущенности ходит достаточно слухов, чтобы отместить такую необходимость, – ворчит Хильда, обходя меня по кругу. – Сделаем исключение.

Когда острый взгляд доходит до клеймённого плеча, её

брови словно подпрыгивают.

– Ох... – выдыхает она поражённо.

– Ах да, – припоминаю я насмешливо. – Дева в гареме ёрмунганда должна быть лишена крупных шрамов и отметин на теле... Так я не подхожу? Могу быть свободна?

Хильда берёт себя в руки, её лицо снова становится ледяной маской. Она забирает стопку одежду у служанки за ширмой и подаёт мне. Прочистив горло, она, отводя взгляд, произносит:

– Варварская страна с варварскими отсталыми традициями. Кому пришло в голову так поступить с тобой? Он вылез из тёмных веков?

– Моему кузену, его императорскому Величеству, – отвечаю я елеинным голоском, спешно натягивая пахнущую свежестью одежду. Это льняная рубаша с вышивкой, ярко-красный кушак и свободные штаны. Высокие сапоги и серая шерстяная накидка с капюшоном радуют глаз, обещая скорое тепло.

Хильда опускает ресницы и глубоко вздыхает.

– Это из-за...

– Да, из-за вашего названного племянника.

– Он знает?

Я угрюмо молчу, борясь с костяными пуговицами. Старая драконица вдруг касается моего плеча. Удивлённо поднимая голову и сталкиваясь с её понимающим печальным взглядом. Как будто сейчас она скажет что-то тёплое, почти

материнское. Хильда размыкает губы и произносит:

– Тебе не место рядом с ёрмунгандом.

Я икаю от такой прямолинейности, а затем в моей душе поднимается волна возмущения.

– Да как будто я к нему так прошусь! – восклицаю я. – Сдалась мне ваша коронованная ледышка, растерявшая всякую совесть и способность на светлые чувства!

Думаю, что Хильда должна оскорбиться из-за такого пренебрежения по отношению к Великому змею, но она опускает взгляд, а затем едва слышным шёпотом произносит:

– Заметила, да? Трудно не заметить, ты же хорошо его знала. Быть может, даже любила.

«Быть может»! Давлю лезущее наружу язвительное замечание. Если бы я не любила его, моя судьба сложилась бы совсем иначе. Но сейчас не время жаловаться на несправедливость. Я подозрительно щурюсь.

– С Винсом... что-то случилось? Он не просто так изменился?

Хильда опасливо косится на ширмы, за которыми стоят служанки, затем становится вплотную ко мне, делая вид, что помогает с пуговицами, а сама торопливо шепчет:

– Как прибудем в Академию, ищи момент, чтобы сбежать. Я помогу, чем смогу.

Пусть она и проигнорировала мой вопрос, но предложение звучит отлично, хоть и до одури подозрительно. Хильда – драконица целиком и полностью верная короне Дахраара.

С какой стати ей помогать мне? Это какая-то проверка? Или ей настолько отвратительна идея, что Винс возьмёт себе в гарем огненную драконицу?

Наверное, смятение отражается на моём лице, потому что Хильда говорит мне на самое уху:

– Винсент не даст тебе жизни, сожрёт и уничтожит за свои чувства к тебе.

– О, у него есть чувства? – спрашиваю я иронично. Хильда одёргивает меня одним строгим взглядом.

– А ты не видишь? Есть. Тёмные, душащие. Не любовь, а жажда обладать, не радость от встречи, а жгучая ревность. Он больше не влюблённый молодой дракон, а владыка. Жизнь с ёрмунгандом – это пытка, Рубия, я не пожелаю такого и врагу.

– Но почему? – недоумеваю я. – Он так изменился просто из-за короны? Вы же жили счастливо со своим мужем?

Взгляд Хильды подёргивается пеленой тоски.

– Моя любовь помогла Харальду продержаться долгие сотни лет, – говорит она надтреснутым голосом. – Но даже её не хватило. Скажи мне, ты любишь Винса?

У меня перехватывает дыхание от этого вопроса.

– С какой стати? – возмущаюсь я. – Как можно любить того, кто сломал тебе жизнь?

– Вот именно, – Хильда снова промораживает меня взглядом. – Вы друг друга изведёте. Ты из обиды, а Винс... – она тяжело вздыхает. – Даже сам того не желая, просто в попыт-

ке найти выход своим эмоциям.

– Да что с ним не так? – хмурюсь я. – Винс никогда не был таким. Вы хотите мне сказать, что это власть может за несколько лет так изменить дракона?

Хильда поджимает губы и резким движением поправляет пояс на мне.

– Готова, – восклицает она громко, а затем тихо бросает: – Какая разница? Просто беги и живи свободной. С нашим ёрмунгандом мы разберёмся сами.

Что ж, меня полностью устраивает это предложение, хотя союзница, конечно, внезапная. Да и любопытно немного... Но недостаточно, чтобы ради этого задерживаться.

Оказывается, вся остановка была посвящена исключительно тому, чтобы избавиться от подозрительных вещей из Ристайла. Последние костры с сувенирами от Лестрейла догорают на снегу. Не задерживаясь, чтобы полюбоваться этим зрелищем, я направляюсь к своей повозке, но меня ловит престарелый лекарь с длинными косами на дахраарский манер.

– Я попрошу вас высунуть язык, аллара, – просит он.

Пожимаю плечами и покоряюсь, а шустрый старичок быстренько суёт мне в рот какую-то бумажку. Я возмущённо прячу язык, а лекарь трясёт бумажкой на воздухе, с прищуром глядя, как она меняет цвет на зелёный.

Вот нельзя доверять мужчинам! Даже пожилым и благообразным.

– Нет, – заключает он. – Вас не обработали зельями подавления сознания. Вы свободны от дурмана.

Он покидает меня, а я провожаю его тоскливым взглядом. Да уж лучше бы дурманом, но не буду же я об этом сообщать слуге ёрмунганда?

Больше ничего не препятствует продолжению пути в Академию. Я расслабляюсь в своей одинокой повозке и дремлю, пока за занавешенными окнами проносятся скучные зимние пейзажи Ристайла, сменяются порталы, а солнце катится к горизонту, чтобы потом и вовсе скрыться. В моей жизни было достаточно путешествий, так что мне совершенно неинтересно.

Утром следующего дня свита ёрмунганда разбивает лагерь под стенами Академии, а мы с Винсентом и несколькими сопровождающими направляемся внутрь. Академия процветает, и всё это благодаря стараниями и заботе молодого ректора Райдена Нейви, уроженца Вайшны, героя драконьих войн и моего старого друга.

Наплевав на приличия, я заключаю пепельноволосого дракона в объятия, едва дав ему поприветствовать почётно-го гостя.

– Ты с ума сошла? – спрашивает он, стискивая меня так, что воздух покидает лёгкие. – Почему на письма не отвечаешь уже несколько недель? Знаешь, чего мне стоило удержать Вилле не примчаться в Тамейн?

Как зять ёрмунганда, Рай не обязан соблюдать излишние

приличия, да и все мы слишком давно знакомы, чтобы тратить время на формальности. Хотя я уже не уверена, что Винс считает так же. Быть может, теперь он любитель церемоний?

– Это бы вызвало кучу проблем, – хмыкаю я. – Как хорошо, что ты всегда бдишь и не даёшь ей совершать опрометчивых поступков. Вот она я, цела и невредима, а не отвечала... ну, у девушки есть дела и увлечения!

Нет, я не хочу беспокоить Вилле, а значит, и Райдену лучше ничего не говорить. Моя бедняжка так долго излечивалась от последствий воздействия зелий моей матери, и всё равно её магия оставалась не в ладах с телом. Потому, когда мы узнали о её беременности, то решили исключить любые риски. Вилле, конечно, вряд ли довольна излишней опекой, но мы готовы были потерпеть её ворчание ради безопасности её и будущего малыша.

– Неужели ты так и мотаешься из Вайшы в Академию? – спрашиваю я с сочувствием. Райден усмехается.

– Порталы мне уже сняты. Но какими судьбами вы прибыли в Академию... вместе?

Он выразительно переводит взгляд с меня на угрюмо молчащего Винса. Наш ёрмунганд, кажется, бесится, что я дружелюбна с другим мужчиной, хотя он прекрасно знает, что Райден мне как брат. Неужели совсем мозги размякли?

Хильда права, с ним очень многое не так... Но у меня сво-

их проблем полно.

– Мне нужна моя мать, – говорю я. – И Веспула.

Веспула в первую очередь. Она уж точно разберётся с любыми проблемами. Райден хмурится, и у меня появляется дурное предчувствие.

– Ох, и не вовремя ты с такими запросами, – говорит он.

Глава 6 Мама, будь всегда со мною рядом

Не вовремя, ха! Да когда я в этой жизни что-то делала вовремя?

Стискиваю руки в кулаки так, что ногти впиваются в ладонь, но на лицо навешиваю дружелюбную улыбку, ясно выражающую немой вопрос.

– Веспула уже три недели как укатила в экспедицию в джунгли, – сообщает Райден. – Надеюсь, ничего срочного у тебя к ней нет, ибо связь с ней отсутствует, а вернуться она должна минимум через пару недель. А зная Веспулу и её любовь к новым ботаническим образцам...

Он выразительно замолкает, а я мысленно вою. Конечно, Веспула может не вернуться и через месяц.

– Ну что ты, ничего срочного! – выдавливаю я. – Просто думала повидаться со старой подругой. А мою мать, надо полагать, она забрала с собой?

Аделаида – самая настоящая рабыня Веспулы. Это стало её наказанием вместо казни, когда мой милостивый кузен спихнул на дель Монроков всю вину за связи с драконьими отступниками и испытание алхимических препаратов на подданных. С одной стороны, хорошо, что жива осталась, но с другой – каково в прошлом благородной леди быть на

побегушках у сиротки из Вайшны, пусть та и воспитывалась при монаршем дворе?

Я уверена, Веспула не мучает Аделаиду, всё, чего хочет моя подруга от матери – это перенять её опыт. И всё же в тот раз, что я навещала мать, та выглядела не очень довольной сложившейся ситуацией.

– Аделаида осталась присматривать за оранжереей, – говорит Райден, и я, не сдержавшись, облегчённо выдыхаю.

Мужчины смотрят на меня вопросительно, а я, неловко улыбаясь, нахожу оправдание:

– Соскучилась.

По высоко взлетевшей брови Винса понимаю, что прозвучало не очень правдоподобно, но мне всё равно.

– С вашего позволения, провожать не буду, – вздыхает Райден, косясь на стопку документов. – Мне нужно разделаться с этим как можно скорее, иначе супруга заскучает.

Винс неожиданно добродушно усмехается.

– Твоя преданность семье заставляет моё сердце радоваться за сестру. Наконец-то она получила то, что заслуживает.

Я давлЮ рвущийся наружу сарказм, хотя у меня есть масса вариантов, как поддеть ёрмунганда, даже выбрать сложно. Надо же, какой сердечный, любящий брат! Где он был, когда в нём так нуждались?

И снова во мне говорят мои обиды. Качаю головой, усмехаясь. Хватит, Руби. Вильгельмина не обижалась на брата, и тебе пора отпустить былые разочарования.

Ловлю настороженный взгляд Райдена, но отвечаю ему лёгкой улыбкой, а затем направляюсь в оранжерею. Но не успеваю и нескольких шагов ступить по хрустящему снежку, что укрыл дорожки академии, как меня догоняет Винсент.

– Не говори, что ты так рвалась в Академию, чтобы просто навестить матушку, – насмешливо произносит он, бросая на меня очередной холодный взгляд.

– Не говори, что ты так яростно торговался за меня с Лестрейлом, чтобы просто добавить ещё одну красотку в свой гарем, – передразниваю я ему в тон.

Ёрмунганд не отвечает, но продолжает упорно идти со мной к оранжерее. Это начинает нервировать. Мне не нужны свидетели разговора с матушкой, особенно Винсент.

– У тебя вот совсем нет дел? – не выдерживаю я.

– У тебя зато есть дела с отравительницей и интриганкой, – выразительно приподнимает бровь он. – Быть может, ты задумала меня отравить с помощью её зелий?

Фыркаю от нелепости его заявлений, а Винс невозмутимо продолжает:

– Или сделать ещё что похуже. В конце концов, леди дома дель Монрок готовы пойти на всё ради своих интересов.

Он произносит это с нажимом, да и мне его слова странно режут ухо. Я задумалась бы над его намёком, но слишком уж увлечена мыслью, как от него избавиться. В конце концов, сейчас у меня нет ни сил, ни желания придумывать хитроумные оправдания.

– Мне нужно поговорить с ней наедине, – сухо говорю я.
– В конце концов, если наш разговор не состоится, то вся поездка сюда была зря. И беседовать нам с тобой будет не о чем.

– Ультиматумы ставишь? – недобро ухмыляется Винс. – Я ведь тоже могу.

– Ты много чего можешь, – отвечаю я, останавливаясь возле оранжереи и поднимая на него равнодушный взгляд.
– Моя жизнь в твоей власти, если подумать. Но ты хотел договориться со мной, а не угрозами тащить в Дахраар, по крайней мере, так ты утверждал на балу. Что-то изменилось? Или разговор двух лишённых титула и средств женщин, являющихся, по сути, рабынями, настолько опасен для короны Дахраара?

Винс раздражённо поджимает губы.

– За словом ты в карман не лезешь...

– Так нет карманов-то, – я демонстративно хлопаю себя по бёдрам. – Ваши одёжки их не предусматривают. Очень непрактично.

Взгляд Винса следует за моими руками и, разумеется, задерживается на фигуре. И он снова морщится, будто я – сплошная гадость, отворачивается и цедит:

– У тебя десять минут.

Подумать только, отвращение к моим бёдрам позволило мне поговорить с Аделаидой безлишних ушей! Мир полон удивительных стечений обстоятельств.

Выдохнув, чтобы избавиться от нервозности, я захожу в оранжерею, и сразу вижу мать у грядок с её любимыми огненными хризантемами. Она выпрямляется и оборачивается, чтобы посмотреть, кого занесло в её обитель.

За прошедший год она сильно похудела и постарела, стали лучше видны морщины и отёчности. Виной всему ошейник, скрытый под воротником, что запер почти всю силу её дракона. А может, дело в переживаниях. Веспула как-то писала, что Аделаида каждый день молится пламени о безопасности Эйвана. Только вот брат, похоже, счастлив в своей новой вольной жизни, и молиться ей стоило бы за другого своего отпрыска.

– Рубия? – спрашивает она с лёгким удивлением и снимает с рук рабочие перчатки. – Почему ты здесь?

– Мама... – выдыхаю я и вдруг чувствую, как глаза печёт от слёз. – Мама, мне нужна твоя помощь.

– Моя? – она искренне изумляется и всплёскивает руками. – Девочка, я так-то надеялась, что это ты мне будешь помогать! И что же ты? Профукала титул, выглядишь... – она окидывает меня взглядом. – Кошмарно.

Неужели она заметила мою болезненность?

– Как дикарка, – добавляет она презрительно. – Что ты на себя напаялила?

– Это всё неважно! – трясую головой я. – Послушай, мама...

Я кратко посвящаю её в ситуацию. Мать выслушивает меня с лёгким прищуром, а когда я заканчиваю печальную ис-

торию, сухо кивает, поджимая губы.

– Лесси добивается, чтобы ты шпионила для Ристайла, – подытоживает она, а затем поднимает на меня скучающий взгляд. – Так а от меня ты чего хочешь?

На мгновение меня словно швыряют в ледяную воду: по спине так и бегут мурашки, а дыхание перехватывает от нахлынувших детских воспоминаний. В них мать, куда более молодая и стройная, лениво поднимает глаза от книжки, окидывает меня скучающим взглядом и спрашивает:

– Чего ты хочешь от меня?

Трясу головой, выдёргивая себя из наваждения. Аделаида чуть приподнимает бровь, но никак не комментирует мои странные действия. Сейчас рядом с ней я снова чувствую себя маленькой, бестолковой и бесполезной – такой, какой в глазах Аделаиды я была всегда.

Увереннее, Руби! Я бросаю вызов её взгляду – столь же огненно-янтарному по цвету, сколь ледяному по сути, гордо приподнимаю подбородок и почти приказным тоном говорю:

– Противоядие, мама. Мне нужно избавиться от той заразы, что дал мне Лестрейл.

Он задумчиво хмыкает и устремляет взгляд за стекло.

– Отравить мою дочь моим же ядом... маленький мстительный подонок, – фыркает она. – Как будто мало горестей он принёс нашей семье. Вышел сухим из воды и заставил нас отдуваться.

Она разворачивается и направляется в сторону рабочей

зоны Веспулы. Я следую за ней, отмечая, что осанка её всё так же аристократична.

– Он использовал меня и мою жажду исследовать и изобретать, – продолжает она совершенно ровным тоном, в котором лишь тот, кто знает её достаточно хорошо, почувствует драконью ярость. – Обещал защиту и покровительство мне и моим детям. Что в итоге? У нас нет ни дома, ни титула, Эйван на границе рискует жизнью каждый день, я прислуживаю какой-то чудачке, а ты снова вернёшься в постель к мерзавцу, из-за которого так пострадала твоя репутация!

– На границе всё не так страшно, – пытаюсь успокоить я. – Я провела там достаточно времени, чтобы понимать: дракон подобный Эйвану продержится там с лёгкостью, а может, ещё и завоюет себе наград и славы.

Аделаида останавливается и резко разворачивается. Её глаза искрятся от внутреннего пламени.

– Я желала своему мальчику другой судьбы! – восклицает она.

Устало улыбаюсь в ответ.

– А мне? Какой судьбы ты желала мне?

Мать раздражённо поджимает губы и подходит к рабочему столу. Достав из шкафчиков какие-то травы, она начинает стремительно замешивать что-то в ступке – мне остаётся лишь любоваться точными отработанными движениями.

– Бернард желал наследника, – говорит она отрывисто и быстро, не отвлекаясь от работы. – Мальчика, конечно. В

Ристайле девочка могла стать наследницей лишь в исключительном случае. Я могла заставить дитя родиться с помощью алхимии, но я не могла управлять его полом – это лежит на мужчине, так говорит наука! Но что ему было до науки? Когда родилась ты, он рвал и метал, срывался на мне, говоря, что я негодная жена, раз не могу подарить ему сына!

Она с яростью швыряет пучок трав в ступку. Я молча слушаю её исповедь.

– И я воспроизвела зелье снова. Понимала, что шанс остался последний – третьего приёма зелья Бернارد бы не выдержал. Я подарила ему сына, как он хотел, но...

Аделаида устало сдувает со лба одинокую седую прядку, так выделяющуюся на фоне красновато-рыжих волос. Она как будто лишилась всех сил разом. Невесело улыбнувшись, она начинает плавно размешивать травы, словно только это во всём мире и может её успокоить.

– Пока я бегала с зельями, чтобы дать ему то, чего он так жаждал, он вдруг проникся к тебе отцовской любовью. И вдруг выяснилось, что в его глазах столь выстрадавший мною сын никак не может затмить тебя. Дитя, рождённое только для того, чтобы исполнить мечту своего папаши, проиграло девочке, досадной ошибке зелья!

– Я не какая-то там ошибка, – холодно прерываю её я. – Отец любил меня.

– И объявил наследницей, – фыркает Аделаида. – Ведь ты была умнее, хитрее, сильнее Эйвана, ты была его гордостью,

а мой труд был для него просто пустым звуком. И ты думаешь, он перестал презирать меня за то, что я родила тебя? О нет! Он любил тебя, но я для него навсегда осталась «негодной женой».

– Мне жаль, мама, – искренне произношу я, не понимая, к чему все эти пафосные речи. – Для меня отец был целым миром, и мне печально знать, что ваша совместная жизнь была вам так в тягость. В конце концов, его желание получить сына и погубило его. Вернее, твоё зелье. Неужели это не поможет тебе забыть обиду? Считай, ты отомстила. Да и наследником стал Эйван. Всё как ты мечтала, – довершаю я с горечью.

– Ты могла стать императрицей, – ядовито замечает Аделаида. – Чем Лесси хуже твоего ледяного дракона? По крайней мере он бы женился на тебе, а не просто поиграл бы и бросил.

Меня не задевают её уколы. Я лишь весело хмыкаю.

– Стать позором семьи или женой Лестрейла, хм... Выбор просто невероятный. К слову, узнал бы Лестрейл, да и всё общество заодно, о том, что я потеряла невинность, если бы ты не сказала, мама?

Я не хочу её поддевать – меня правда всегда волновал этот вопрос. Аделаида не смотрит на меня, но брови её хмурятся.

– Узнал бы, милая. И тогда он мог бы порешить всю нашу семью сгоряча.

– Ты просто принесла меня в жертву, – делаю вывод я.

– Или дала шанс на свободу? Ты была столь уж несчастна, скача по границе с двуручником наперевес и круша пиратов? А была бы счастлива управлять имением и отбиваться от женихов на каждом балу?

– Ах, так ты заботилась о моём счастье? Вот так спасибо...

– Лестрейл, Винсент – какая разница, если по итогу все они просто мужланы и предатели? – морщится Аделаида.

Она прикрывает веки и чуть покачивается, будто вот-вот упадёт. Затем резко распахивает глаза и смотрит на меня со слабой улыбкой.

– Былого не воротить. Моя жизнь была полна ошибок, и, быть может, настало время их исправлять.

Она перекидывает кашину из ступки в чашку и заливает водой из чайника. Поднимается ароматный зеленоватый пар. Запах у него приторный, пожалуй, чуть тошнотворный, но жаловаться грех. Мать двумя руками передаёт её мне.

– Это поможет? – спрашиваю я, принимая напиток из её рук. Взгляд Аделаиды туманный и отстранённый.

– Больше никакой боли не будет, я тебе обещаю, – кивает она.

Я смотрю на ярко-зелёный напиток, в котором вижу своё отражение: задумчивое, напряжённое, уставшее. Неужели противоядие к этой гениальной отраве делается так быстро и просто?

Или... мать говорит о совсем другой ошибке? О глупой,

наивной, одинокой ошибке, что сделала неверные выборы совершенно во всём в своей жизни? Можно ли ещё что-то исправить? Разве есть лекарство от той боли, что живёт в моей душе, что расползлась по моему плечу вместе с клеймом?

Есть только один способ проверить. Я подношу чашку к губам.

Когда нагретое стекло почти касается моих губ, я вскидываю взгляд на Аделаиду, чтобы увидеть выражение её лица. Пожалуй, на дне потухших глаз ясно заметна искорка любопытства – главной движущей силы в жизни моей матери. Она ждёт моего действия. Решила новый яд испытать?

Только вот я умирать не намерена. Кривлю губы и отставляю чашку.

– Серьёзно? Так ты решаешь проблемы, мама? – спрашиваю я раздражённо. – Отравить меня проще, чем исцелить?

На обескровленных губах Аделаиды медленно расцветает ядовитая, ехидная улыбка. Это куда больше подходит ей, чем выражение вечной меланхолии и усталости.

– Несмотря на твой нелепый энтузиазм и почти детскую наивность, отмечу в который раз: ты не дура, – пожимает она плечами, отвесив самый роскошный комплимент в мою сторону, который она когда-либо делала. – Мне был интересен твой выбор. Устала ли ты настолько, чтобы выпить это, или ещё готова бороться. Раз готова, значит, не всё потеряно, и есть смысл искать спасение.

– А если бы я выпила? – спрашиваю я, всё ещё отказыва-

ясь верить, что она хладнокровно отравила бы меня. Быть может, я и правда по-детски наивна.

Она хмыкает и закатывает глаза, затем высыпает остатки трав из ступки во вторую чашку, заливает её водой и отпивает, после чего морщится.

– Это тоник. Его прописывают лицам с магическим истощением, чтобы быстрее восстановили силы.

Недоверчиво смотрю на чашку. Аделаида фыркает.

– Не хочешь – не пей. Но твой дракон долго был взаперти, потому нуждается в подпитке.

Она равнодушно допивает своё зелье и отставляет чашку. Внутренне я всё ещё опасаясь подвоха, особенно после фокуса Лестрейла, но вдруг понимаю, что это тоже тест. Несмотря на многогранность и сложность наших отношений, Аделаида ждёт, что я продемонстрирую своё доверие. Отказаться от тоника – потерять шанс на её содействие.

Под её внимательным взглядом я опустошаю чашку с терпким горьким напитком. Когда пустая посуда с грохотом опускается на столешницу, уголки губ матери приподнимаются в подобии холодной отстранённой улыбки.

– Наверное, это в тебе меня всегда так и бесило, – говорит она, лениво разглядывая свои ногти. – Эйван похож на своего вспыльчивого, но в целом мягкого отца, которым так легко манипулировать. Ты же смеёшься в лицо смерти ради своих идеалов, гордая, умная – похожа на меня.

– Но наивная, – напоминаю я её же слова ехидно.

Аделаида пожимает плечами.

– Я тоже была наивна. Я мечтала стать исследователем, но приказ императора заставил меня занять место жены дель Монрока. И даже так я наивно надеялась на любящую семью и счастливую жизнь. Но реальность жестока. Однажды она и тебе обломает крылья, странно, что этого до сих пор не произошло.

– На этой позитивной ноте перейдём к делу? – спрашиваю я холодно. – Твоё зелье. Возможно ли снять его воздействие?

– Нет ничего невозможного, – артистично взмахивает рукой мать. – Но придётся постараться. Зелье замешано на крови Лестрейла, потому связывает выпившего с ним. Для противоядия она тоже нужна. Добыть такой ингредиент, для нас, рабынь, непосильная задача.

Я нащупываю под тканью накидки ножны кинжала, достаю его и столь же артистичным жестом открепляю от ремешка кольцо, столь удачно незамеченное Хильдой. Покрутив камень, я выдвигаю иглу. Аделаида приподнимает бровь, принимая добычу из моих рук, внимательно рассматривает её, после чего заключает:

– Тут всего капля, и та засохла.

– Этого мало? – разочарованно спрашиваю я.

– Хватит на одну попытку, – отвечает мать. – Если зелье не удастся, придётся добывать ещё кровь.

– Ну так сделай это за одну попытку, – хмыкаю я. – Неужели великой Аделаиде Модилье это не под силу?

– Думаешь, сможешь подстегнуть меня провокацией? – спрашивает она со скукой в голосе. – Дешёвый трюк. К сожалению, есть факторы, которые от меня не зависят. И мне нужно время, чтобы раздобыть ингредиенты и всё подготовить.

– Сколько?

– Недели две минимум.

Внутри всё холодеет.

– Через три дня по плану мы прибудем в Дахраар, – лепечу я растеряно. – Лестрейл будет ждать от меня новостей, и если я их не предоставлю...

Содрогаюсь от воспоминаний о липких, непреодолимых веяниях противоестественной магии зелья. Аделаида, что удивительно, смотрит на меня с подобием сочувствия... и интереса.

– Как будет время – запиши свои ощущения при воздействии зелья, – говорит она.

– Мама!

– Ну что? Раз уж так вышло, надо это использовать!

У меня нет никаких сил выдерживать эту женщину. Я устало потираю переносицу, а Аделаида подходит, ободряюще поглаживает моё предплечье и заговорщицки вещает:

– Езжай в Дахраар. Да, тебе придётся какое-то время слушаться Лесси, но мы всё исправим. Разумеется, тебе необходимо организовать всё так, чтобы я поехала с тобой. Ещё надо подумать, откуда нам брать ингредиенты. Также мне нуж-

но, чтобы с меня удалили ошейник...

– Ты ставишь условия для спасения собственной дочери?
– восклицаю я недоумённо.

– Я говорю, что мне нужно, чтобы у меня получилось спасти тебя, – цедит она, словно говорит с недоумком, и качает головой. – Да, я хочу получить от этого шанса всё, но в первую очередь думаю о противоядии. Без магии тут я буду бессильна.

Устало вздыхаю.

– Даже если ректор согласится отпустить тебя до возвращения Веспулы, Винс ненавидит тебя. Он никогда не позволит мне взять тебя в Дахраар.

Аделаида задумчиво щурится, а затем на её губах появляется слабая улыбка. Это недобрый знак.

– Эта история очень мутная. Зачем ты вдруг понадобилась ёрмунганду?

– Понятия не имею. Экзотики в гареме захотел?

Меня давненько беспокоит эта мысль, но высказывать предположения вслух я не хочу. Аделаида ласково касается пряди моих волос, а затем тянет её на себя, заставив меня раздражённо зашипеть и наклониться ближе к ней.

– О нет, я думаю, причина тут в другом, и я даже догадываюсь, в чём. Ты заставишь его пойти на твои условия.

– Каким же образом? – спрашиваю я без воодушевления. Планы Аделаиды не сулят ничего хорошего никому, кроме

неё самой.

– Я подскажу, родная, – улыбается она. – Это тебе будет материнское наставление...

Какова же ирония судьбы: чтобы выбраться из сетей паука, я слушаю советы змеи. И всё же то, что я согласилась её выслушать, не значит, что я слепо последую её советам. Я ничего не говорю Аделаиде, лишь сухо киваю и покидаю оранжерею. Снаружи меня уже поджидают два ледяных дракона из личной свиты Винсента.

– Великий ледяной змей ожидает вас, – говорит один из них.

– Ну пусть ожидает. А мне нужен ректор, – пожимаю плечами я.

– Велено сопровождать вас прямо к нему, – хмурится дракон.

Мы несколько секунд сверлим друг друга взглядами, после чего второй дракон одёргивает товарища:

– Да пусть обмолвится с ректором словечком, это по пути.

К несчастью, оставить меня с Райденом наедине они напроочь отказываются. Приходится изложить свою просьбу прямо при ненужных свидетелях. Когда я прошу Рая выдать мне Аделаиду на время и помочь с ингредиентами, которые ей понадобятся, его брови медленно ползут вверх.

– Руби... что-то случилось?

– Хочу провести время с матушкой за объединяющим занятием, улыбаюсь я. – А чем ещё её можно увлечь, если не

зельями?

Райден смотрит на меня с большим подозрением, и мне кажется, что сейчас он скажет «нет». Но он кивает, быстро выписывает какую-то бумажку и передаёт её мне, наклонившись и быстро шепнув:

– Ты должна будешь мне объяснение.

По приказу совета Альянса именно Рай должен следить за соблюдением ареста Аделаиды. То, что он согласился отправить её со мной – великое доверие и столь же великий риск с его стороны. Придётся мне тщательно следить за матушкой ради друга.

А уж как расстроится Веспула, если Аделаида воспользуется шансом и сбежит...

Осталось уговорить Винсента пустить столь ненавидимую им драконицу в Дахраар. Я не готова к этому разговору, но выбора у меня нет: его охранники уже привели меня к небольшому закрытому павильону. Деликатно, но настойчиво меня заталкивают внутрь и закрывают дверь, отрезая путь к спасению и оставляя наедине с самым могучим ящером ледяных пустошей.

Винсент стоит, заложив руки за спину, и буравит меня тяжёлым взглядом.

– Ты задержалась.

– А ты уже заждался? – усмехаюсь я, проходя ближе к нему. – Что за разговор, не терпящий отлагательств?

Его лицо кажется спокойным, почти безмятежным, но я

чувствую его недовольство.

– На фоне происходящего в твоей жизни я предлагаю тебе неплохие условия, – говорит Винсент. – В Ристайле у тебя нет ни титула, ни дома, и Лестрейл вряд ли оставит тебя в покое. В любой другой стране тебе придётся начинать всё с нуля. В Дахрааре ты будешь жить в Хрустальном дворце...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.